

*“Листая старые дела”
75-летию Великой Победы посвящается*

Андрей ФАНИЕВ

На рокадном направлении

Фонд поддержки гражданского общества Кубани

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Краснодарское краевое отделение
Общероссийской общественной организации
“Ассоциация ветеранов боевых действий ОВД и ВВ России”

18+

Андрей Фаниев

На рокадном направлении

«Автор»

2023

Фаниев А. В.

На рокадном направлении / А. В. Фаниев — «Автор», 2023

1941 год. Начальник уголовного розыска Лавр Ермаков выходит в отставку. С приходом на Кубань гитлеровцев, он остаётся в Краснодаре по заданию руководства, для подпольной работы. Случайная встреча с полковником Абвера Куртом Фельзенмайером, с которым Лавр познакомился в 1920 году, спасает его от газовой камеры. Понимая, что раскрыт, Ермаков уходит в Штаб партизанского отряда. Бандит и убийца Сергей Титковский, сбежавший в первый день войны из Гродненской тюрьмы, поступает в айнзацкоманду. После окончания разведшколы его направляют на Кубань и внедряют в партизанский отряд в районе Абрау-Дюрсо. Партизаны получают правительственное задание - уничтожить эшелон с шампанским для новогоднего стола Гитлера. Главная задача Титковского, действующего под псевдонимом «Тритон» – предотвратить взрыв. Для выявления предателя в отряд направляют Ермакова. Сюжет основан на реальных событиях и рассказывает о малоизвестных фактах подготовки сотрудников милиции к партизанской войне.

© Фаниев А. В., 2023

© Автор, 2023

Андрей Фаниев

На рокадном направлении

Часть 1

– Сегодня лично у каждого проверю все дела оперучётов и планы по оперативному сопровождению нераскрытых дел. Пусть потрачу целый день, зато наведу порядок! Полугодие хорошо закрыли, но если хлопцы расслабятся, съедем вниз, – думал Лавр, лёжа в постели и слушающая дождь, который выбивал барабанную дробь по жестяному подоконнику. Из-за неплотно прикрытой двери в спальню донёсся запах свежесваренного кофе.

– Товарищ начальник, вставай! Опоздаешь! – весело крикнула из кухни Людмила.

– Уже встал, – потянувшись напоследок, он поднялся и направился в ванную.

Войдя на кухню, Лавр поцеловав жену, сел к столу. Людмила налила себе кофе и, зябко кутаясь в халат, присела напротив:

– Ты сегодня пораньше или как всегда? Нас соседи в гости пригласили. У Александра Сидоровича юбилей. Подарок я уже купила.

– Не знаю Люда, постараюсь пораньше. Планёрку перенесу на шесть и в начале восьмого буду. А что дарить будем?

– Сейчас покажу, – Людмила встала, вышла и сразу вернулась, держа перед собой большую картонную коробку: – Вот посмотри! – она бережно поставила на стол каминные часы.

– Это Амур и Психея, середина XIX века, – сказала она, гордо глядя на мужа. На малахитовом пьедестале бронзовый Амур играл на лире, а Психея сидела на камне и, подперев златокудрую головку, внимательно слушала.

Лавр пристально посмотрел на часы, затем подошёл к супруге и, обняв, ласково произнёс: – Там стоит клеймо Concord Watch Co, а у Амура отколот кусочек лиры?

– Да... а что такое? – растерянно спросила она.

– Люда! Ты только не волнуйся! Я тебе дам денег, и ты купишь новый подарок! Эти часы проходят у нас по квартирной краже.

Он достал из кармана деньги и положил на стол:

– Ты квитанцию сохранила? Где эта комиссия находится?

– Вот она, – вздохнула Людмила, вынув из кармана сложенную бумажку. – Это комиссия на Гоголя и Красной, где раньше «Торгсин» был. Вот видишь, вся семья на тебя работает! Кстати, за них заплачено 800 рублей, я надеюсь, нам их вернут?

– Вернут! – твёрдо ответил Лавр. – И на юбилей пойдём, только подарок купи обязательно! Кстати, продавец тебя обманул, эта бельгийская часовая фирма существует с 1908 года.

Взглянув на висевшие на стене ходики,¹ он, быстро допив кофе, поцеловал жену на прощанье и, взяв коробку с часами, которые неожиданно приобрели статус вещдока, вышел на улицу. Дождь уже закончился, только с листья ещё падали отдельные капли. С удовольствием вдохнув прохладный утренний воздух, Ермаков направился на работу.

«Удачно день начался, по краже сдвинулись с мёртвой точки», – думал он. – Если их сдали по настоящим документам, то к вечеру раскроем.

– Здравия желаю! – отдал честь молоденький лейтенант. – Товарищ капитан, за время моего дежурства...

– Здравствуй! – остановил его Лавр и пожал руку. – Давай сводку. Начальник на месте?

– Нет, он ещё вчера вечером сказал, что с утра в городской отдел на планёрку уедет.

– Хо-ро-шо... – медленно протянул Ермаков, пробегая глазами сводку. – Одна квартирная кража и два грабежа. Что сделано?

– Оба грабежа раскрыты. Их один человек совершил. Его задержали, сейчас в камере сидит.

– Совсем хорошо! А на краже? Группа² в полном составе была?

– Так точно! И проводник с собакой и криминалист выезжали.

– Пока не дам команду, группу не разоружать, – кивнул Лавр и поднялся на второй этаж. Подойдя к своему кабинету с табличкой «Начальник уголовного розыска Кагановичского отделения³ капитан милиции Лавр Павлович Ермаков». Проверив печать, он отпёр приветливо скрипнувшую дверь и, войдя в кабинет, привычным движением перевернул лист настольного календаря: «Вторник, 14 ноября 1940 года» и поднял трубку телефона прямой связи с дежурной частью:

– Следственно-оперативную группу пригласи ко мне!

Постучав в дверь, в кабинет вошли четверо сотрудников.

– Товарищ капитан, – бодро начал один из них.

– Проходите! – Лавр махнул рукой, указывая на стулья. – Докладывайте.

– В 4.30 дежурному поступил звонок о совершении квартирной кражи по адресу: Октябрьская, 24. Это частный дом. Хозяева, вернувшись из гостей, обнаружили дверь открытой. Войдя в квартиру и увидев, что их обокрали, сразу позвонили в милицию. При осмотре места происшествия установлено, что дверь могла быть вскрыта путем подбора ключей, или родным ключом. Составлен список похищенного.

– Пальцы изымали?

– Да, сняты отпечатки с дверного косяка, – неуверенно пробормотал молодой парень с одиноким кубарём в петлице⁴.

– И только? – поднял вверх брови Ермаков. – Они лазали по шкафам! Перевернули весь дом, а вы изымаете пальцы только с косяка? Сейчас же возвращайтесь на адрес. Откатайте всю семью! Снимите отпечатки со всех мест, которых мог касаться преступник. Как вы определили, что замок мог быть открыт родным ключом?

– Ну... на замочной скважине нет свежих царапин, при попытке открыть родным ключом затруднений не возникло, – лицо младшего лейтенанта порозовело.

– Если отмычкой работал профессионал, то внутренний механизм, как правило, не повреждается. Изымите замок, в лаборатории разберите и при подготовке заключения проконсультируйтесь с более опытными коллегами. Идите!

Когда эксперт уже подошёл к двери, Лавр остановил его:

– Обязательно проверьте на наличие отпечатков дверь на уровне замочной скважины, – и пояснил: – Преступник, работая с отмычкой, иногда присаживается на корточки и, чтобы подняться, опирается рукой на дверное полотно. Потом мне доложите лично.

Подождав, когда за младшим лейтенантом закроется дверь, он спросил:

– Собаку применяли?

– Так точно. Собака взяла след, довела до угла и потеряла. Наверное, масло сбilo со следа.

– Какое масло? – быстро переспросил Лавр.

– Там небольшая лужица на асфальте, – объяснил проводник. – Наверное, на машине уехали.

– Дежуривших орудовцев⁵ опрашивали?

– Да. Примерно в это время проезжала грузовая машина.

– Фургон или бортовая?

Старший группы сконфуженно промолчал.

– Немедленно связаться с инспектором, видевшим машину. Уточнить и отразить в рапорте. Какой состав семьи?

– Муж, жена и сын. Фамилии... – он раскрыл папку.

– Это потом, – махнул рукой Ермаков. – Из всей группы, единственная, кто выполнила работу в полном объеме, – это служебная собака. Дорабатываете материалы, докладываете и только потом разоружаетесь.

Он успел выкурить первую утреннюю папиросу, как в кабинет вошли инспекторы и расселись каждый на своем месте. Поздоровавшись, Лавр Павлович раскрыл большую бухгалтерскую книгу, в которой скрупулёзно записывал все рабочие вопросы:

– Сергей, что у нас по грабежу ювелирки?

– Перед совещанием звонил в НТО⁶, два пальца выстрелили в цвет! Это Владимир Прохоренко по кличке Проша. Дали задания агентуре установить местонахождение. Квартиру матери, где он проживает, взяли под наблюдение, – ответил молодой парень в косоворотке.

Лавр одобрительно кивнул:

– Кто сейчас там?

– Хлопец, который на испытательном сроке. У нас их двое, меняются по очереди, – и, предупреждая следующий вопрос, с улыбкой добавил: – Оба проинструктированы. Напротив, магазин с телефоном. В ночное время охраняется сторожем. Перед закрытием сам туда прогуляюсь. Проверю обстановку и с охранником пообщаюсь, чтобы беспрепятственный доступ к телефону обеспечил.

– Молодец. Ты туда ещё в течение дня наведайся, бутербродов парням занеси. Лишний раз проверишь, и им приятно, что о них заботятся. Виктор Семёнович, ты у насходишь в состав следственной группы⁷, так?

– Так точно, Палыч, – пробасил кражистый мужчина лет сорока с густыми, жёлтыми от табака усами.

– Что по убийству кассира сделано? Если мне память не изменяет, там установлено двое фигурантов, которые, судя по всему, совершили преступление.

– Лавр Палыч, – Виктор Семенович вздохнул. – Ну вам-то что до кассира? Группа городская, чего мы на планерке это рассматриваем?

– Потому что это произошло на нашей территории, поэтому и рассматриваем, – строго взглянул на него Ермаков. – Будь любезен, покажи шахматку⁸.

Виктор Семёнович раскрыл папку и молча протянул расчерченный на аккуратные квадратики лист бумаги. Лавр Павлович внимательно изучил таблицу:

– Почему вы определяете инициатором преступления именно Власова?

– Потому что Власов главарь банды, – неуверенно ответил Виктор Семёнович.

– А если предложение убить кассира поступило от рядового участника, – спросил Ермаков, – или от третьего лица?

Виктор Семёнович пригладил усы и потёр подбородок.

– Виктор! Тебе, слава богу, опыта не занимать, ещё поделиться им можешь, на весь оперсостав хватит! Доработай материал, будь ласка, – Лавр протянул ему схему.

– Да они разве слушают! – раздражённо ответил он, захлопывая папку. – Заявление было о без вести пропавшем. Мне материал случайно на глаза попался. Смотрю, это Игорь Акимов, он с Власовым гужевался, а через два дня его дворник в подвале нашёл задушенным. Я руководителю говорю: надо Акимова плотно отработать, его за сутки до кассира убили, видимо, знал о подготовке или не захотел участвовать. Предлагал оба дела объединять, а он отмахнулся.

– Плохо, что он не прислушивается к мнению опытного сотрудника, – недовольно произнёс Лавр. – Я сам переговорю с ним.

Сделав пометку в тетради, он вдруг улыбнулся:

– Кому отписан материал по квартирной краже на Чапаева?

– Это которая, бывшая Кирпичная? – уточнил инспектор в хорошем габардиновом костюме и пригладил аккуратно расчёсанные на пробор шелковистые каштановые волосы. – У меня материал.

– Докладывай, Владимир, что сделано?

– Произведён подворный обход, опрошено шестеро человек. Опрошен дворник. Изъяты с места происшествия отпечатки ничего не показали. Дверь вскрыта путём отжима. Дверной косяк со следами орудия взлома выпилен и находится в НТО, заключения пока нет, – вздохнул он: – Вы бы поторопили их, товарищ капитан.

– Хорошо, поторопим, – кивнул Ермаков. – Что ещё?

– Составлен список похищенного, проверены комиссионные магазины и скупщики краденого. Проверены на причастность лица, ранее судимые за аналогичные преступления. Даны соответствующие задания «негласному» аппарату.

– Хорошо излагаешь! – восхитился Лавр Павлович. – Хотя методические рекомендации из твоего доклада пиши! А у меня для тебя сюрприз есть!

Он достал часы и аккуратно поставил на стол. Некоторое время все озадаченно молчали.

– Откуда, товарищ капитан? – восхищённо выдохнул Владимир.

– Из комиссионки, которую ты проверял! – усмехнулся Ермаков.

Володя побагровел:

– Их сдали после проверки!

– А почему тебе не сообщили об их поступлении? После планерки сразу зайдёшь в магазин, накрутишь хвоста продавцу, заберёшь восемьсот рублей и отдашь мне. Вот держи, – он протянул ему квитанцию. – Мы хорошо закрылись по полугодию, хотелось бы и Новый год встретить со спокойной душой. Все дела оперучётов и материалы по нераскрытым мне на стол – и по рабочим местам.

Оставшись один, Лавр взяв остро заточенный карандаш, начал проверять оперативные материалы, делая аккуратные пометки. В дверь негромко постучали, и на пороге появился дежурный:

– Товарищ капитан, из краевых кадров звонили, просили после обеда зайти к начальнику.

От этих слов почему-то неприятно заныло под ложечкой.

– Хорошо, если просили, значит, зайдём, – кивнул Ермаков, не отрывая глаз от листа, исписанного мелким бисерным подчерком.

Когда дверь закрылась, он раздражённо нажал на карандаш, чуть сильнее, чем следовало, и грифель с тихим хрустом обломился. Рабочий настрой улетучился, и Лавр некоторое время сидел неподвижно, глядя на плакат, с которого на него пристально смотрел Дзержинский, призывая к зоркости и бдительности. Бесцельно побродив по кабинету, Лавр сняв телефонную трубку, набрал домашний номер. Людмила ответила сразу, как будто сидела около аппарата.

– Подарок купила? – без предисловий спросил он.

– Да! – радостно ответила жена. – Взяла чудесную конфетницу!

– И опять антикварную? – усмехнулся Лавр.

– Нет, нашу, дулёвскую⁹, очень красивую! Тебе понравится.

– Главное, чтобы юбиляру понравилась. Будет Сидорович кушать конфеты из красивой вазы.

– Будет! От Витюшки письмо пришло, – весело продолжала она, – обещал на Новый год приехать!

– Это здорово! – Ермаков повеселел. Их сын был начальником милиции в небольшом приволжском городке.

– Что пишет? Как у него с раскрываемостью?

Голос Людмилы посуровел:

– Лавр, я получила письмо от сына, а не справку о проделанной работе, – и чуть смягчила голос: – По службе у него всё в порядке. Витюша сказал, что приедет с женой и Катенькой. Будешь с внучкой тетешкаться. Все! Я тебя целую и жду! Какую рубашку тебе погладить?

– В мелкую клеточку, – и, вздохнув, добавил: – Которую мы с тобой в Москве брали.

Положив трубку, Лавр задумчиво закурил и взглянул на часы:

– Минут через двадцать можно выходить. Он налил себе кружку крепкого чая и, чуть подумав, плеснул немного коньяка.

На улице было прохладно, но Ермаков не стал брать дежурную машину. Он не торопясь направился в сторону центра, разглядывая прохожих. После утреннего дождя воздух был свежий, пропитанный осенними ароматами. Дышалось легко, и Лавр расстегнул верхнюю пуговицу. Около рынка, заметив на афишной тумбе анонс Краснодарского театра музыкальной комедии, он остановился:

«Впервые в этом сезоне! 20 ноября 1940 года. И. Кальман «Сильва». В роли князя Воляпюка – Мартын Лусинян»¹⁰.

– Нужно будет достать билеты, – озабоченно подумал Ермаков. – Людмила обрадуется: Лусиняна очень хвалили.

Размышляя о работе и о том, через кого выйти на билетную кассу, Лавр незаметно вышел на Красную и дошёл до здания управления. Предъявив часовому удостоверение, он поднялся на второй этаж и, подойдя к двери с табличкой «Заместитель начальника Управления НКВД по Краснодарскому краю», вздохнув, коротко постучал.

– Да, да! Входите, – раздался сочный баритон. Хозяин кабинета, молодежавый, уже начинающий лысеть и полнеть мужчина в новом габардиновом кителе, с поблёскивающими на петлицах тремя шпалами вопросительно посмотрел на него, ожидая продолжения. Свежий малиновый отблеск шпал ясно показывал, что владельцу сшитого на заказ обмундирования недавно присвоено звание: капитан госбезопасности.

– Здравствуйте, я начальник УГРО Кагановичского района... – начал он. Кадровик, скупно улыбнувшись, продолжил:

– Капитан милиции Лавр Павлович Ермаков. Присаживайтесь, – и жестом указал на стул.

Некоторое время, не глядя на него, он молча перебирал бумаги и, найдя нужную, откашлявшись, поднял глаза:

– Центральная кадровая комиссия отклонила ваш рапорт о дальнейшем прохождении службы. В 12-м кабинете получите уведомление об увольнении и... – он слегка помялся, – пора на заслуженный отдых.

Лавр стиснул зубы. Он знал, что рано или поздно это случится и догадывался о причине вызова в кадровый аппарат.

– К моему рапорту было приложено ходатайство начальника краевого розыска, согласованное с начальником НКВД. Неужели этого оказалось недостаточно?

– Как видите, – кадровик развёл руками. – Помимо ходатайства, к пакету документов приобщался выписной эпикриз по последней госпитализации. Врачи категорически возражают, а против медицины мы бессильны.

– А без эпикриза нельзя было направить? – обречённо спросил он, понимая всю наивность своего вопроса.

– Существует утвержденный перечень документов, обязательный к представлению в кадровую службу, и обойти его мы никак не можем. В противном случае направят назад, – и, участливо улыбнувшись, добавил: – Лавр Павлович, рано или поздно мы все выйдем в отставку, даже товарищ Берия. Вы можете по праву гордиться своей службой.

– Спасибо! – Лавр встал. – С вашего позволения я зайду к начальнику розыска?

– Ваше право, не смею препятствовать. Только, пожалуйста, не забудьте заглянуть в 12-й кабинет, – капитан встал и протянул руку, давая понять, что разговор окончен.

– Лавр! Загляни в паспорт! Тебе 58 лет, у тебя три ранения! – Федотов¹¹ протянул ему стакан чая.

– Пять, – со вздохом поправил его Лавр, – два ещё с империалистической.

– Тем более! Ты знаешь, как мы за тебя боролись? Шулишов¹² согласовал моё ходатайство не читая!

– Надо было медицину подработать, – огорчённо сказал Ермаков. – А как же мне в 37-м подписали с этими ранениями?

Федотов пристально взглянул на него:

– А ты не знаешь?

– Нет, – недоуменно ответил Лавр. – Думал, что всё по закону.

– По закону, – хмыкнул Никифор Максимович. – Тебе просто повезло! Твои документы попали на стол к Агранову, который, оказывается, помнит тебя ещё с 1920 года, когда ты отличился вовремя Улагаевского десанта. Заключение врачей он даже не стал читать, а сказал: «Этот человек должен работать, пока чувствует в себе силы».

Он помолчал, размешивая сахар, и, слегка понизив голос, добавил:

– Я вообще удивляюсь, как ты чистку пережил.

Лавр обескураженно молчал, в череде событий он уже подзабыл те далёкие годы и, поставив стакан, тихо, с плохо скрываемой тоской, спросил:

– Так теперь что, в 12-й кабинет?

– Да, – твёрдо сказал Никифор Максимович. – И имей в виду, на пенсии жизнь не кончается. Месяц-другой отдохни, к сыну с супругой съезди, а потом ко мне. Есть насчёт тебя мысли. Если рассчитываешь, что будешь спокойно рыбу ловить, то ошибаешься.

Не успел он войти в свой кабинет, как в дверь ворвались Виктор Семёнович и начальник отделения милиции.

– Это правда? – не здороваясь, спросил начальник. – Мне на совещании сказали.

– Правда, – спокойно ответил Лавр. – Сейчас начну хвосты подбирать и дела к сдаче готовить.

Начальник смачно выругался:

– Чем они там думают в кадрах! Дали бы год нормально закрыть, а потом выгоняли бы!

– Ну, во-первых, не выгнали, а попросили уйти на заслуженный отдых, – усмехнулся он. – А во-вторых, за закрытие года не рви сердце. У нас крепкие позиции и хорошие перспективы по раскрытиям, даже приостановленных материалов нет. Ты лучше скажи, Владимир Иванович, кого на моё место рассматривать будешь?

Тот сокрушенно развёл руками:

– Да я как-то и не думал об этом. И вздохнул: – Так неожиданно всё...

– Витя у нас состоит в кадровом резерве, – Лавр кивнул на Виктора. – Постарайся добиться, чтобы его назначили. Он прекрасно знает подучётный элемент, владеет обстановкой, и хлопцы его слушаются. Самое главное, как можно быстрее согласуй его кандидатуру и не затягивай с документами на назначение, а то пришлют какого-нибудь выдвиженца, и тогда точно работу завалишь.

Начальник согласно покивал:

– Прав ты, Палыч! Как всегда, прав, – и обнял его за плечи: – Пошли ко мне!

Лавр опечатав дверь, и они направились по коридору. На пороге своего кабинета Владимир Иванович оглянулся и поманил рукой Виктора Семёновича, который стоял в отдалении, не зная, идти ему с ними или вернуться к себе в кабинет:

– Что стоишь как чужой! Заходи, все-таки будущий зам.

Заперев дверь, Владимир Иванович быстро разложил нехитрую закуску, достал бутылку водки и, наполнив стопки, произнес:

– Скажу честно, это для меня неприятная новость. Если бы не твой опыт и оперативная хватка, меня давно уже сняли бы. Ты был у нас «серым кардиналом», и я благодарен судьбе, что довелось с тобой поработать. Но я спокоен, потому что знаю: завтра ты придёшь на службу и всегда будешь рядом. Те парни, которых ты воспитал, не дадут тебе покоя, они будут постоянно обращаться к тебе за советом, – он хитро прищурился: – Ведь ты, несмотря на свой опыт, по сей день советуешься с Пришельцевым¹³ и сейчас не сразу пойдешь домой, а заглянешь к нему?

Лавр потрясённо молчал, потому что действительно собирался по дороге зайти к Александру Петровичу. Он выпил и, обняв за плечи обоих товарищей, со всей теплотой, на которую был способен, произнёс: «Спасибо, друзья!»

Они допили водку, начальник остался в кабинете, а Виктор вышел проводить Ермакова на улицу. Когда они закурили, он спросил:

– Палыч, вы планерку завтра проведете?

– Конечно, и развод нарядов на службу проведу, и начальника службы участковых отдеру напоследок за подворные обходы.

Виктор облегчённо вздохнул:

– Палыч, независимо от того, назначат меня или нет, можно я буду к вам иногда заглядывать?

Лавр улыбнулся и положил ему руку на плечо:

– Витя, ты можешь заходить ко мне и звонить в любое время суток, – и с улыбкой добавил: – Розыскники бывшими не бывают.

Они попрощались, Лавр, подняв воротник куртки, быстрым шагом направился по хорошо знакомому маршруту к старому другу и учителю.

Пришельцев воспринял новость на удивление спокойно, поздравил его и, достав из серванта бутылку необычной формы, пояснил:

– Это настойка боярышника, чертовски полезна для сердечной мышцы! – и, рассмеявшись, добавил: – Вам как начинающему пенсионеру это необходимо знать.

Когда они выпили, Александр Петрович ободряюще взглянул на него:

– Я прекрасно понимаю ваше состояние. У офицера, вырванного из привычной среды, вначале всегда присутствует чувство незащищенности, но, поверьте, это скоро пройдёт. Вокруг вас огромный, большой и очень интересный мир, в котором живут тысячи людей. Вместо засад и оперативных совещаний они проводят время в кругу семьи, встречаются с девушками, а не с агентами, и проверяют не поднадзорных, а домашние задания у детей.

– В моём случае – у внуков, – усмехнулся Лавр.

– Тем более! – воскликнул Пришельцев. – И вы ведь, в конце концов, не рвете отношений с коллегами. Например, я не чувствую себя оторванным от работы. Я читаю лекции на курсах сержантов милиции¹⁴, где руководит ваш однофамилец, встречаюсь с молодыми сотрудниками. Если мне не изменяет память, по вашей просьбе в прошлом месяце я проводил занятия по видам оперативно-розыскной деятельности. Поверьте, вас не оставят в покое, и вы всегда будете в гуще событий.

Александр Петрович вновь наполнил рюмки:

– Хочу выпить за новый этап вашей жизни! – он хитро прищурился. – Кстати, вас сегодня ждёт ещё одно приятное событие. Вы даже представить себе не можете, как будет счастлива ваша супруга!

Попрощавшись, Лавр вышел на улицу и направился домой. Увлечённый мыслями о предстоящем юбилее Александра Сидоровича, он не заметил, что из подворотни за ним внимательно наблюдают две пары хищно прищуренных глаз.

– Сука лягавая, – зло сплюнул сутулый мужчина с косой, падающей на глаза чёлкой, глядя вслед Ермакову. – Когда он сдохнет наконец!

– Кто это? – спросил молодой парень в чёрной рабочей куртке. На голове у него красовалась кепка-восьмиклинка, брюки были заправлены в сапоги. Он зябко поёжился и, по-собачьи встряхнувшись, смахнул с лица капли дождя.

– Начальник районного УГРО Ермаков, – мужчина грязно выругался, тускло блеснув в темноте золотой фиксой. – Волчина позорная! Мне лапти сплёл ещё лет десять назад. Свезло, что его куда-то отправили и я смог от жмура откреститься, а следователь сопляк попался. Он один больше нашей крови выхлебал, чем все городские сыскари. Ещё при царе в сыске служил! За его умение коммунисты к себе на службу взяли. Я с ним впервые ещё в 20-х годах стакнулся. Маманька моя тогда с одним деловым сошлась, с Лёхой Матросом. Первостатейный громила-мокродел был. Очень я его уважал, да и он ко мне хорошо относился, понятия правильные вбил в голову мою малолетнюю.

Оглядевшись, они вышли из подворотни и, закулив, направились в сторону Сенного рынка.

– Задумал Матрос дельце одно сварганить: инкассаторов подломить, а меня в помощники определил. Я дней пять около почты жалом шевелил, всё вызнал и весь расклад как на блюдечке ему преподнёс, но мусора об этом прознали и засаду сделали. Леха инкассатора оглушил, мешок вырвал и дёру, так этот гад его догнал и маслину в затылок засадил, – он с досадой покачал головой. – Такого парня убил на моих глазах! Я на кладбище в кустах его ждал, чуток совсем он не добежал! Матрос дерзкий был! При царском режиме служил в Екатеринодаре полицейский один, ещё тот кровопивец, навроде этого Ермакова, так он средь бела дня подошёл к нему и застрелил.

Парень восхищённо помотал головой:

– Серый, а что, этого Ермакова нельзя заделать, как Матрос мусора царева?

– Нет, Коляша, никак нельзя, – серьёзно ответил Серый, – он в сильном авторитете у своих. Если его шлёпнуть, краснопёрые такой террор устроят, что мало не покажется! Все шалманы, малины, блатхаты на уши поставят. Кислород полностью перекроют. Старики рассказывали, что такая хрень уже была.

Некоторое время они шли молча.

– Эх, что мы всё о делах прошлых говорим, – хлопнув приятеля по плечу, вдруг весело воскликнул Серый. – А давай-ка, мил человек, заглянем к Инке-скипачке! Надо удачу обмыть, да и отдохнуть после дела сам бог велел!

Завернув в продмаг и набрав после недолгих споров полные кульки еды, приятели направились в гости, не забыв по дороге заглянуть в винный отдел.

– Пока нет приказа об увольнении, расслабиться у вас не получится, – сказал Лавр и оглядел собравшихся на планерку. – Так что ещё недельку я вам нервы потреплю, да и потом в покое не оставлю. Что у нас по вчерашней краже?

– Поквартирный обход результатов не дал: никто ничего не слышал. Весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий отработан. Даны задания «негласному» аппарату. Скоро закончим отработку ранее судимых за аналогичные преступления. Учитывая, что замок был вскрыт квалифицированно, в первую голову отрабатываем профессиональных домушников. В паспортном столе запрошены списки недавно освободившихся из мест заключения, – рассказал Виктор Семёнович.

– А что, разве участковые перестали вести учёт поднадзорных? – спросил Лавр, постукивая карандашом по столешнице.

– Никак нет, – уверенно ответил тот. – Но мы запросили информацию за последний месяц, самую свежую.

Неожиданно зазвонил телефон. Ермаков, внимательно выслушав, с радостью в голосе произнёс:

– Конечно, пусть заходит! Мы все с нетерпением ждём!

Положив на рычаг трубку, он оглядел коллег:

– Из НТО звонили: ладошка совпала.

Дверь открылась, и на пороге появился младший лейтенант, выезжавший на кражу.

– Товарищ капитан, выехав на дополнительный осмотр, я снял отпечаток ладони с входной двери на уровне замка. Сравнительным исследованием установлены совпадающие признаки папиллярного узора следа ладони руки на дверном полотне и имеющегося в картотеке оттиска ладони левой руки ранее судимого Титковского Сергея Дмитриевича, – раскрыв папку, он шагнул вперёд и протянул Ермакову лист бумаги: – Вот официальное заключение.

– Отлично! С чем вас всех и поздравляю! – с удовлетворением сказал Лавр и обвел коллег весёлым взглядом: – Надеюсь, рассказывать, что делать дальше, не нужно?

Когда все вышли, ему вдруг стало грустно. Закрыв глаза, он представил, как сейчас ребята приедут на адрес. Оставив машину за пару кварталов, выйдут, найдут участкового, выяснят обстановку, а потом проведут задержание. Ермаков зажёт папиросу, подошёл к окну и, не приближаясь, издали стал наблюдать, как сотрудники садятся в новенькую служебную эмку, которую он с боями добыл для уголовного розыска.

Лавр открыл форточку, и осенний воздух сразу заполнил прокуренный кабинет, принесся с собой запах костра, который во дворе развёл дворник, сжигавший опавшую листву. Пряный, горьковатый дым навевал печаль. «Вот и осень», – он грустно посмотрел на голые ветви деревьев.

Виктор уверенно открыл переднюю дверь и сел рядом с шофёром. «Начинает руководить, – подумал Лавр. – Ну что ж, наверное, это правильно. Пусть сразу берёт быка за рога».

Проводив взглядом лихо выруливший автомобиль, он вернулся к столу и начал разбирать бумаги, ожидая возвращения группы. Увлёкшись привычной работой, Лавр не услышал, как в кабинет вошли оперативники. По огорчённым лицам он сразу понял, что они проехали вхолостую. Виктор, повесив кепку на крючок, раздосадовано pokrutil головой:

– Встретились с участковым. Он сказал, что Титковский дома появляется редко, можно сказать, не проживает. Мать, Валентина Борисовна, живёт одна, портниха-надомница, точнее, не портниха, ремонтирует и перелицовывает одежду. Я группу отправил в машину, а сам с участковым зашёл в квартиру.

– Частный сектор или квартира?

– Общий двор на четверых хозяев. Говорят, что раньше весь двор её был, а потом уплотнили.

«Валентина Борисовна, портниха, домик», – какие-то обрывочные воспоминания мелькнули в памяти, и он спросил:

– Адрес там какой?

– Насыпная, 35, – ответил Виктор. – У неё две небольшие комнаты, живёт одна, никаких предметов мужского присутствия на виду не было, но, – он сделал небольшую паузу, – при осмотре в вещах, лежавших около швейной машинки, я обнаружил две женские кофты и блузку. По описанию, кофты, судя по всему, появились после кражи на Октябрьской, а блузка – на Чапаева. Я их изъяс, вечером поедem к потерпевшим на опознание. Она пояснила, что сын вчера в обед заглядывал и оставил в подарок. Соседи показывают, что Сергей появляется редко. Может не навещать мать неделями, а то и месяцами. Оставлять засаду нецелесообразно. Сегодня пройдем по всем значным местам, ну и с нужными людьми пошепчемся.

Погружённый в заботы о предстоящем увольнении, Лавр не придавал значения неясным ассоциациям. Если бы Ермаков порылся в памяти, то обязательно вспомнил бы портниху с Насыпной улицы, которую знал ещё с 1907 года, когда его, молодого станowego пристава прикомандировали к Екатеринодарскому сыскному отделению, где он и познакомился с Александром Петровичем Пришельцевым и навсегда связал свою жизнь с уголовным розыском.

В далёком 1907 году Валентина Борисовна Титковская была известна в Екатеринодаре как мадемуазель Жанетта, трудившаяся в заведении «Золотой якорь» у мадам Пирожковой. Родив от уголовника по кличке Митрич ребёнка, она уехала к родителям в станицу, а через некоторое время объявилась в Екатеринодаре. Купила небольшой домик, занялась ремонтом одежды и смогла сколотить кое-какой капитал. Валентина Борисовна, имевшая добрый и отзывчивый характер, очень любила сына. Все заработанные деньги она тратила на него, стараясь, чтобы мальчик ни в чём не нуждался. Но, к сожалению, Серёжа полностью унаследовал характер отца. Тщедушный, слегка горбатый, с мелкими, неприятными чертами лица, он рос злобным и жестоким. Валентина Борисовна видела Митрича всего раз в жизни и не знала даже его полного имени, не знала и того, что он ещё до рождения ребенка был убит в тюрьме. Однажды, когда подросший Серёжа спросил, кто его отец, мать, промокнув глаза уголком цветастого платка, рассказала трагическую историю, об утонувшем моряке. Предупредив очередной вопрос, она вновь вытерла невидимую слезинку и добавила, что у неё даже карточки не осталось, а Серёжа случился от огромной неземной любви, такой внезапной, что они даже не успели обвенчаться, должны были сделать это после возвращения из дальнего похода, но судьба распорядилась иначе... Мальчишка был очень впечатлен этой историей и на следующий день, в память о героическом отце, стянул в соседском дворе тельняшку, которую стал носить не снимая.

К моменту встречи с Лёхой Матросом он уже был полностью сформировавшимся мерзавцем, правда, не имеющим ещё криминального опыта. Профессионального бандита, по иронии судьбы тоже носившего тельняшку и действительно служившего на флоте, он принял с обожанием. Сергей сразу и безоговорочно проникся воровской верой и готов был идти за Матросом в огонь и в воду. Он уже представлял, как войдёт в камеру и на «прописке» с достоинством расскажет о совместных делах с «уважаемым и авторитетным человеком».

Однажды Лёха взял его с собой на малину. Когда ему сделали замечание, что он привёл незнакомого сопляка, Матрос, положив руку ему на плечо, сказал:

– Это правильный жиган, я за него мазу тяну. Пройдет пяток-десяток лет, гордиться будете, что за одним столом с ним сидели.

Ошалевшего от счастья Сергея посадили за стол, и он впервые попробовал водку, а потом, когда одна разбитная ярко накрашенная девка, показавшаяся ему безумно красивой, подвыпив, затянула за занавеску, он понял, что будет только вором. В тот вечер Сергей с грехом пополам стал мужчиной, и в его неокрепшем мозгу накрепко сформировался жизненный принцип: «Хочешь пить, любить и жрать, нужно много воровать».

Через два дня Матроса застрелили у него на глазах. Сидя за надгробием какого-то почившего в бозе присяжного поверенного и закусив до крови кулак, Сергей в оцепенении смотрел, как сильный и дерзкий Лёха Матрос ничком лежит на земле, нелепо подогнув ноги, и вокруг его головы расплывается, смешиваясь с пылью, красная, густеющая на глазах лужа крови. Просидев до темноты в кладбищенских кустах, Сергей вернулся домой, а на следующий день, подговорив приятеля, ночью взломал замок в соседской квартире, зная, что хозяева уехали в станицу.

Первая кража их окрылила. Они с успехом обчистили ещё две квартиры, возомнили себя настоящими ворами и решили залезть в продуктовый магазин, но там им не повезло: старенький сторож, воевавший ещё в Русско-японскую войну, о существовании которого они не подо-

зревали, направил на них древнюю двустволку и предупредил, что каждому достанется как раз по одной пуле. Уложив воришек на пол, он свистком вызвал проходивший неподалёку милицкий патруль. На суде Сергей смог разжалобить народных заседателей печальным рассказом о том, что, прочитав где-то о шоколаде, очень захотел попробовать. На вопрос судьи, как называется эта самая книга, он разразился слезами и смог уйти от коварного вопроса, потому что ничего никогда в жизни не читал. Учитывая чистосердечное раскаяние и молодость, им дали условный срок.

Поблагодарив судью за проявленное великодушие, Сергей в тот же вечер, не откладывая в долгий ящик, снова обокрал квартиру. Со временем из домушника он переквалифицировался в налётчики. Когда они ночью попытались проникнуть в ломбард, вахтёр успел застрелить одного из бандитов и нажать тревожную кнопку. Сергей не раздумывая выстрелил ему в голову, и в это время в зал ворвались милиционеры. Услышав грохот сапог, он успел отшвырнуть ещё дымящийся револьвер и поднять руки.

У Ермакова, внимательно изучившего утром протокол осмотра и схему места происшествия, возникли вопросы. Месторасположение тел и револьвера вызвали у него сомнения в том, что стрелял убитый преступник. Он вызвал одного из оперативников, принимавшего участие в задержании:

– Дима, скажи, на твоих глазах когда-нибудь убивали?

– Нет, Лавр Павлович, трупов разных насмотрелся: и задушенных, и зарезанных, а чтоб на моих глазах... – он отрицательно покачал головой: – Бог миловал.

– Вот посмотри, прежде всего мне не верится, что они выстрелили друг в друга одновременно, всё-таки не с Дикого Запада приехали. Когда в человека попадает пуля, он, как правило, падает назад или оседает на месте, если, конечно, не бежал в атаку, тогда по инерции ещё может сделать пару шагов. Но! – Лавр поднял вверх палец. – Он никогда не отбрасывает оружие вперед, а по схеме убитый бандит отшвырнул наган вперед почти на три с половиной метра.

– Схема составлена правильно. Её при мне рисовали. Я сам помогал следователю прокуратуры замеры делать.

– Схема-то правильная, выводы только по ней неправильные, – Лавр побарабанил пальцами по столу и, взглянув на Дмитрия, твёрдо произнес: – Не мог убитый бандит застрелить сторожа. Ты не помнишь фамилию следователя? Материал, скорее всего, ему и отпишут.

– Я его не знаю, он недавно назначен, – Дмитрий озабоченно потёр лоб и взглянул на часы. – Рабочий день только через двадцать минут начнётся, позвоню и уточню.

– Сегодня же встретиться с ним и передай наш разговор. Если он молодой, то тактично подскажи, какие вопросы нужно поставить перед баллистами. Обязательно предложи составить совместный план оперативно-розыскных мероприятий, тогда мы сможем предлагать свои версии. Они ещё у нас?

– Да, часа два точно пробудут, пока бумаги выправят, машину с конвоем найдут, – он махнул рукой и уверенно добавил: – Часа два, к бабке не ходи.

– Очень хорошо! Если даже их и выводили в туалет, то во двор, а там руки не помоешь! – весело произнёс Лавр и, взглянув на ничего не понимающего Дмитрия, пояснил: – Сейчас бегом в НТО. Берешь эксперта, и пусть у всех смывы на следы пороха с кистей рук возьмет, а если хочет в американского шерифа поиграть, может парафиновую пробу взять¹⁵. Заключение следователю за магарыч отдашь!

Начальник НТО сначала категорически отказался из-за отсутствия постановления о назначении экспертизы, но когда Дима уже почти его убедил, поклявшись, что постановление принесёт лично, завернув в него бутылку самого вкусного коньяка, его срочно вызвали на кражу цыплят. Когда за Димой закрылась дверь, он, облегчённо вздохнув, занялся текущими материалами.

Лавр собрался сам спуститься к криминалистам, но ему неожиданно позвонили из кадров и сообщили, что рапорт на долгожданный отпуск подписан, а путёвка в дом отдыха ждёт его в медчасти санитарного отдела¹⁶, и забрать её надо немедленно!

Этот отпуск стал счастливой звездой для Сергея Титковского, сумевшего запутать молодого следователя прокуратуры и свалить всю вину на убитого поделщика.

– Здравствуй, Палыч! – раздался в трубке голос Федотова. – Я тебя дома ищу, а надо было сразу в кабинет звонить. Сегодня к 16.00 при всем параде – в актовый зал! Чествовать тебя станем, Шулишов лично будет! Сейчас у нас 12.00, сходишь домой, наденешь мундир, и с супругой под руку милости прошу...

– Хорошо, Никифор Максимович, к 15.30 буду, – ответил Лавр.

Уловив в его голосе лёгкую грусть, Федотов бодро произнёс:

– Не хорошо, а так точно! Я тебе уже говорил и ещё раз повторю: на пенсии жизнь не кончается.

– Какой ты у меня красивый, – восхищённо улыбнулась Людмила, глядя на мужа, ожидавшего около двери в парадном кителе. Она критически оглядела его и, поправив знак «X лет РКМ», взяла под руку. Они не торопясь шли по Красной. Заметив на углу лоток с мороженым, Лавр замедлил шаг, но Людмила, потянув его за локоть, строго сказала:

– И думать не смей! Не дай бог на китель капнешь! На тебя сегодня все смотреть будут!

У входа в актовый зал их встретил инструктор политотдела. Поздоровавшись, он усадил Людмилу в первом ряду и, придержав Лавра, собиравшегося сесть рядом, указал на сцену:

– Вас, товарищ Ермаков, прошу пройти в президиум.

Выступали много, и было заметно, что все говорили от чистого сердца. Замначальника управления, сообщивший Лавру о том, что его рапорт отклонен, после общих фраз произнёс:

– Я был бы счастлив и горд, товарищи, если бы в день своего ухода в отставку услышал о себе столько добрых слов.

Последним взойшёл на трибуну Шулишов:

– Дорогой Лавр Павлович, несмотря на то, что работаю на Кубани всего два года, я заочно знаком с вами ещё с 1930-го, будучи председателем Северо-Кавказского краевого бюро пролетстуда¹⁷, где на совещании познакомился с профессором Корчевским.

У Лавра перехватило дыхание, дрожащей рукой он налил из графина стакан воды и залпом выпил.

– За ужином у нас зашёл разговор о логическом мышлении, и он привёл в пример вас как прекрасного аналитика.

Федор Иванович, сделав небольшую паузу, посмотрел в зал:

– Товарищи! В текущем году у нас значительно сократилось число тяжких преступлений, на 50% сократились убийства, их раскрываемость – 85,7%,¹⁸ а в Кагановичском районе начальник УГРО капитан Ермаков смог добиться 90,4%. Это, товарищи, яркий пример умелого руководства и беззаветного служения партии и великому Сталину. Совет Народных Комиссаров СССР 31 октября сего года принял постановление об учреждении нагрудного знака «Заслуженный работник НКВД»¹⁹. Сегодня, в этот торжественный день по поручению народного комиссара внутренних дел СССР комиссара Государственной безопасности первого ранга товарища Лаврентия Павловича Берии я хочу вручить знак за номером № 96 капитану милиции Лавру Павловичу Ермакову.

Эта высокая награда показывает, – он улыбнулся, – что Лавр Павлович навеки включён в первую сотню лучших работников милиции Советского Союза.

Лавру показалось, что от аплодисментов в зале обрушился потолок. Он встал и подошёл к трибуне. Шулишов вручил ему красную атласную коробочку и пожал руку. Повернувшись к залу, Лавр громко произнес:

– Служу трудовому народу! – и, вдруг вспомнив, что уже действует новый устав, добавил: – И Советскому Союзу²⁰.

– Ваше слово, Лавр Павлович, – улыбнулся Федор Иванович.

– Дорогие коллеги! Я благодарен вам за то, что вы всегда были рядом и стали для меня семьей. Служить с такими людьми – это большая честь и ответственность, очень надеюсь, что был хорошим товарищем и руководителем. По первому вашему зову я готов встать в строй. Прошу не забывать об этом и помнить, что мои двери открыты для вас в любое время.

– Не надейся на спокойную жизнь, Палыч! – выкрикнул со второго ряда Виктор Семёнович. – Не забудем... Завтра всё равно сами на планерку придёте!

Когда в зале стих смех, Виктор Семенович поднялся на сцену:

– Лавр Палыч, нам действительно будет вас не хватать, но так могут думать те, кто с вами не работал. Каждый из ваших воспитанников знает, что к вам можно обратиться в любое время и по любому вопросу. Вы сказали, что служить с нами была большая честь, а служить с вами – счастье, – голос его вдруг окреп: – Счастьем было иметь рядом грамотного и чуткого старшего товарища, который был знатоком преступного мира. Я не побоюсь сказать в присутствии руководства, что вы пользовались уважением и по ту сторону баррикад, – он махнул рукой: – Давай, ребята. И пояснил: – Это вам, чтобы в курсе новостей были и нам рассказывали, что в мире творится.

Владимир и Сергей вынесли из-за кулис большую картонную коробку и поставили её рядом с трибуной.

– Это радиолы! Там и радио, и проигрыватель²¹. Последнее слово техники. Вы посмотрите, а потом ребята домой отвезут.

Когда все стали расходиться, Никифор Максимович придержал его за локоть:

– Лавр Павлович, нас в столовой ждут.

Ермаков оглянулся, ища глазами супругу. Людмила подошла и, погладив его по плечу, сказала:

– Я с радиолой поеду домой. Ребята установят, подключат – и буду ждать тебя под музыку. После первых тостов Лавр подошёл к Шулишову:

– Фёдор Иванович, вы с трибуны упомянули фамилию дорогого для меня человека...

Шулишов, улыбнувшись, достал из кармана френча аккуратно сложенную записку:

– Я виноват перед вами, Лавр Павлович, что сразу не сообщил о знакомстве, правда, шапочном, с вашим другом, но исправил ошибку. Связавшись с коллегами из Орджоникидзе, я попросил дать на товарища Корчевского адресную справку, – и, протянув ему бумагу, добавил: – Кстати, Орджоникидзе находится в двухстах километрах от Пятигорска, а в санитарном отделе для вас с супругой зарезервирована путёвка в дом отдыха.

Протянув рюмку, он чокнулся с Лавром и, вновь улыбнувшись, добавил: – Приказ о вашем увольнении вступает в силу с завтрашнего дня. Получить путевки – это мой последний приказ! – и обернулся к присутствующим: – Дорогие товарищи! Я предлагаю выпить за нашего мудрого руководителя товарища Сталина и его сподвижника, верного товарища Берию!

Записка жгла Лавру карман. Он никак не мог дождаться, когда останется один. Застолье затягивалось, не выдержав, он вышел в туалет и с нетерпением развернул лист бумаги.

«Викентий Леонтьевич Корчевский. 15 мая 1880 года рождения. Профессор кафедры марксизма-ленинизма Северо-Кавказского горно-металлургического института. Проживает по адресу: г. Орджоникидзе,²² ул. Свободы, 32, кв. 17. Женат, имеет двоих детей».

– Вот и нашёлся Викентий, – радостно выдохнул он. – Жив, слава Богу!

Предвкушая, как расскажет новость Пришельцеву, Лавр вернулся к столу.

Под мерный стук колёс Лавр курил в тамбуре, задумчиво глядя на проносящийся за окном однообразный пейзаж. Кругом была степь, покрытая кое-где лёгким снежком. Изредка мелькали маленькие саманные домики под соломенными крышами. Приглядевшись, он разглядел вдалеке отару овец и чабана, гордо восседавшего на вороном коне в чёрной бурке и чёрной папахе.

– Нет, у нас на Кубани природа побогаче, – подумал он. Поезд начал длинный затяжной поворот, и Лавр в восхищении замер, увидев вдали взметнувшиеся сказочными драконьими гребнями заснеженные вершины. Он выкурил ещё одну папиросу и, проводив взглядом маленький домик дежурного по переезду, стоявшего навытяжку с флажком в руке, вернулся в купе, где Людмила уже собирала вещи.

– Только что Курсавку проехали, через час будем в Минводах, – сказала она, пытаясь застегнуть туго набитую сумку.

– Давай помогу, – Лавр защёлкнул замок и поставил сумку на полку.

Они долго обсуждали предстоящую поездку и пришли к выводу, что к Викентию лучше всего поехать в ближайшие выходные. Людмила купила путеводитель и, проштудировав его, уверенно заявила, что экскурсовод им не понадобится, и она сама будет его водить по всем красивым местам.

– Товарищи пассажиры, сдаём постельное бельё, – по коридору шёл проводник в форменной тужурке. – Через полчаса Минеральные Воды.

Вскоре за окном появились пакгаузы, водонапорные башни и прочие приметы крупного железнодорожного узла. Пройдя семафор, паровоз, коротко свистнув, сбавил ход и, выпустив облако белого пара, остановился.

– Нам сюда, – уверенно сказала Людмила, потянув его в конец перрона, и пояснила: – Там электропоезда, и мы доедем до Кисловодска по этим же билетам.

На станции Бештау электричка стояла пятнадцать минут. Они вышли на перрон, и Лавр потянулся за папиросами.

– Не кури! – попросила Людмила. – Давай подышим!

Она вдохнула полной грудью и от восхищения прикрыла глаза:

– Какой воздух! Его ломтями можно резать!

Через два часа они уже входили в просторный вестибюль санатория НКВД. Сдав путевки и получив ключи, супруги поднялись на второй этаж. Войдя в номер, Людмила огляделась, счастливо выдохнув:

– Красота какая! Просто прелесть!

Подойдя к окну, она распахнула шторы и долго смотрела на деревья, где на ветвях ещё полыхала багряная осенняя листва и весело скакали белки с развевающимися рыжими хвостами.

В дверь деликатно постучали.

– Товарищи Ермаковы, – в номер вошла молодая улыбчивая женщина в белом халате. – Вот талоны на обед. Ваш столик № 12, а после обеда, пожалуйста, загляните в кабинет № 5 во втором корпусе. Вас осмотрит врач, назначит необходимые процедуры и выдаст курортные книжки.

Пообедав и закончив все формальности, они направились осмотреть город.

– Сегодня мы пойдём в Нарзанную галерею, а после ужина погуляем по парку, – не терпящим возражения голосом сказала Людмила. Лавр обречённо кивнул.

– Завтра посмотрим город, а послезавтра поедем в Пятигорск. Я поведу тебя в Цветник, там есть грот Дианы, где за неделю до дуэли Лермонтов организовал бал.

Она мечтательно улыбнулась:

– А потом мы с тобой пойдём вверх, к горе Машук и мимо Китайской беседки, выйдем к Эоловой арфе, гроту Лермонтова и Провалу.

– С какой целью взимаются пятаки? – усмехнулся Лавр.

– С целью капитального ремонта Провала! Чтобы не слишком провалился,²³ – весело парировала Людмила и, взяв Лавра под руку, ласково добавила: – Я знаю, ты ждёшь встречи с Викентием! Поверь, я тоже очень хочу его увидеть, но ведь мы договорились потерпеть до выходных.

Несмотря на то что все дни проходили очень быстро и интересно, Лавр с нетерпением ждал субботы. Улучив момент, когда Людмила принимала жемчужные ванны, он сбегал на автовокзал и купил билеты на самый первый рейс.

Путешествие началось с пробитого колеса, которое водитель менял с восточной неторопливостью, и поэтому выдавший виды автобус добрался до Орджоникидзе только к обеду. Узнав у постового милиционера, куда идти, они направились по узкой тенистой улице и через несколько кварталов увидели на стене табличку «улица Свободы».

– Наш адрес через три дома, – сказал Лавр, взглянув на номер. Не пройдя и десяти метров, Людмила вдруг остановилась и, дернув его за рукав, кивком указала на противоположную сторону, по которой с тростью в руке шёл пожилой мужчина в хорошем пальто с бобровым воротником. Он нёс плетёную сетку, из которой торчал батон и позвякивали бутылки.

Лавр шагнул ему навстречу и хотел весело крикнуть:

– Я рад вас видеть, господин Корчевский!

Но у него неожиданно перехватило горло, и он дрогнувшим, внезапно севшим голосом с трудом сипло произнёс:

– Викентий!

Фигура Корчевского неожиданно стала расплываться. Он понял, что плачет, и ему стало очень неловко. Звон разбитого стекла вывел его из оцепенения. Моргнув несколько раз, Лавр увидел, что Викентий стоит неподвижно, нелепо раскинув руки, а у его ног расплывается молочная лужа.

– Прекратите рыдать и обнимитесь в конце концов, – дрогнувшим голосом сказала Людмила, – а то уже народ начинает собираться!

Неловко толкаясь и перебивая друг друга, они поднялись в квартиру. Викентий представил их супруге:

– Наташенька! Ты не поверишь, но это тот самый Лавр Ермаков! Он жив и нашёлся!

– Вообще-то, Лавр Ермаков нашёлся с дамой, представь меня... – улыбнулась Наталья, невысокая полноватая женщина с чёрными как смоль волосами, в которых не было даже намёка на седину, и живыми тёмно-кариыми глазами.

После суеты, когда улеглись первые эмоции, все сели за стол. Викентий глядел на Лавра сияющими от счастья глазами:

– Если бы мне кто-нибудь сказал, что сегодня ты будешь сидеть у меня дома, я ответил бы, что это очень глупая и жестокая шутка. Но сегодня я по-настоящему счастлив, прежде всего потому что ты жив!

– Слухи о моей смерти сильно преувеличены, как говаривал Марк Твен, – рассмеялся Лавр. – Меня действительно тяжело ранило под Шамкиром, но Господь, как видишь, уберёг для встречи с тобой!

– За что ему большое спасибо! – с чувством произнёс Викентий и лихо опрокинул рюмку. Закусив маленьким бутербродом, он попросил:

– Расскажи, как Александр Петрович?

– Как тебе сказать... Здоровье в соответствии с возрастом, но живёт очень активно. Консультирует молодёжь, читает лекции на сержантских курсах. За неделю мы видимся не менее двух раз. Лучше расскажи, почему ты не в Женеве?

Викентий, улыбнувшись, взглянул на жену:

– У меня уже были куплены билеты, но на вокзале на свою беду я абсолютно случайно встретил Наташу, которая любезно согласилась охранять мой багаж, пока я бегал за кипятком. Мы проговорили всю ночь, а утром ваш покорный слуга уже ехал во Владикавказ. У Наташи здесь жили родители. По приезде мы обвенчались и вот живём...

– Как в доброй сказке, – улыбнулась Людмила.

За окном уже совсем стемнело, но они, не ощущая времени, продолжали сидеть, перейдя на чай.

Наталья, взглянув на гостью, у которой слипались глаза, сказала:

– Людочка, идемте, я провожу вас в спальню. Поверьте, они будут сидеть до утра.

Когда они остались вдвоем, Викентий, поплотнее прикрыв дверь, спросил:

– Скажи, Лавр, как вы пережили чистку?

Ермаков немного помолчал:

– С трудом. Ценой очень больших и бессмысленных потерь... Начальнику Армавирского НКВД десять лет дали, у него ещё фамилия двойная Лебедев-Никанорченко. Семёна Буда, начальника горотдела, и Сашу Аккермана, начальника Кропоткинского отдела,²⁴ расстреляли. Причём обвинения надуманные, в прямом смысле из воздуха взяты! Кроме смеха, ничего не вызывают! Один немецкий шпион, другой – польский, только вот, – он тяжело вздохнул, – всё стенкой закончилось. Меня тоже тягали, полтора месяца продержали, но, как видишь, господь уберег.

– Били? – понизив голос, спросил Викентий.

Покачав головой, Лавр грустно усмехнулся:

– Следователь когда-то у меня в районном розыске начинал. Он и подкармливал, и от Людмилы записки носил. Рисковал мужик, конечно, но в итоге всё хорошо закончилось. Ты только представь! За один день, кажется 20 ноября, «тройка» УНКВД рассмотрела 1252 дела!²⁵ Я даже представить не могу, да и, честно сказать, боюсь думать, сколько безвинных репрессировано.

Лавр закурил и неожиданно сменил тему:

– Если бы ты уехал в Женеву, то мог бы встретить Хельгу, – и, глубоко затянувшись, неожиданно, без перехода, произнёс, глядя куда-то вдаль: – Знаешь, я нашёл убийцу Журавля²⁶.

Викентий вздрогнул и судорожно схватил его за руку, ожидая продолжения.

– Я убил его, – отрывисто произнёс Лавр и, закулив новую папиросу, рассказал историю двадцатилетней давности. – Понимаешь, можно было ранить и взять живым, но я застрелил его.

– Ты всё правильно сделал, – уверенно сказал Викентий. – Очистил землю от одной гадины. Я уверен, что на его руках много крови.

– Не знаю, – вздохнул Лавр. Некоторое время они сидели молча.

– Меня больше беспокоит другая гадина, которая с каждым днём становится всё сильнее... – задумчиво произнёс Викентий. Лавр вопросительно взглянул на него, ожидая продолжения.

– Гитлер! Вот кто меня очень сильно беспокоит! Я начал наблюдать за этим бесноватым ефрейтором после «Пивного путча»²⁷, – вздохнул Викентий. – Война в Испании, аншлюс²⁸! Оккупация Чехословакии, Польши.... Он творит что хочет! «Хрустальная ночь»,²⁹ «Ночь длинных ножей»!³⁰ Средневековье какое-то... Прогрессивные силы Германии понимают опасность

его правления и начали борьбу ещё в 30-м году! Тогда на него было совершено первое покушение, потом ещё девятнадцать, представляешь? А он как заговорённый, прямо мистика какая-то!

– Может, Гитлер сам их организывает, чтобы повысить популярность? – предположил Лавр.

– Не думаю... – покачал головой Викентий. – Он и без этого очень популярен, а немецкий обыватель ослеплён его лозунгами о величии рейха. Ты знаешь, кто такие гитлерюгенд?

– Что-то вроде наших пионеров? – неуверенно спросил Лавр.

Викентий вздохнул:

– Нет, милый друг, это гораздо страшнее. Вроде бы всё одинаково: любовь к родине, готовность к защите Отечества, но... – он сделал небольшую паузу. – На вершине пирамиды у них стоит фюрер. Основа их идеологии – это слепое подчинение и вера в свою арийскую исключительность. Факельные шествия, сожжение книг – все это воспитывает и провоцирует агрессию, и это страшно! Немцы нарастили огромный военный потенциал. Тевтоны рвутся в бой! Конечно, прозрение наступит, но какой ценой?

Викентий взглянул в окно, где в предрассветном сумраке начали проступать очертания старого клёна.

– Идём спать, завтра я покажу вам город. Он небольшой, но очень уютный, здесь есть что посмотреть.

– Сегодня будем пробовать осетинскую кухню, – безапелляционно сказал Викентий. – Осетинские пироги – это что-то божественное! Уверяю, на Кубани таких нет! И, что самое удивительное, чем меньше общепитовская точка, тем вкуснее пироги, – возбужденно продолжал он, увлекая их в маленькую чайную.

– С мясом, с сыром, со свекольной ботвой, пожалуйста, и каждый на четыре части разрежьте, – сказал он молодой официантке. – Ещё бутылку «Киндзмараули» и графинчик граммов эдак на триста араки. Это осетинская водка, – пояснил он гостям, когда девушка, приняв заказ, отошла. – Она слабее нашей, но тоже очень неплохая.

Пироги произвели на гостей впечатление.

– Я потом вам дам рецепт, – улыбнулась Наталья, наблюдая, как Людмила разглядывает тесто.

– А вы знаете, почему я заказал именно три пирога? – тяжело откинувшись на спинку жалобно скрипнувшего стула, спросил Викентий. – Их подают всегда по три. Это символизирует триединство мира: Солнце, вода, Земля или Бог, небо и земля, а вот на поминках подают по две штуки. Почему? Увы, не знаю.

– Когда вас ждать в Краснодаре? – спросил Лавр, протягивая руку за очередным куском.

– В ближайший отпуск, – твёрдо ответил Викентий. – Но в следующую субботу мы у вас. В Кисловодске есть новый ресторан, очень необычный – «Замок коварства и любви». Вот туда я вас и приглашаю! – он поднял вверх руки и, пресекая возможные возражения, добавил: – Директором назначен мой вчерашний студент, а ныне аспирант. Он и накормит, и с ночлегом решит.

– Название интересное, – сказала Людмила.

– Восточный вариант Ромео и Джульетты, приправленный кавказским коварством, – улыбнулся Викентий. – Бедняк полюбил богачку, и она, конечно, тоже. Но, как водится, отец решил выдать её замуж за старого, но богатого князя. Что им оставалось делать? Нищий красавец предложил своей возлюбленной броситься с высокой горы на острые камни, чтобы навсегда соединиться в смерти. Взобралась на гору. Посмотрела девушка вниз, испугалась и предложила ему прыгнуть первым. Он прыгнул, а девушка, посмотрев на то, что от него осталось, передумала, вернулась домой и вышла замуж за старика князя. С тех пор это название и оста-

лось, – он разлил остатки водки и добавил: – В общем, штатная для несчастной любви ситуация. Хотя могли сбежать, как-нибудь да устроились бы.

Дни летели быстро, Лавр и Людмила превратились в заправских курортников. Уже не морщась, как в первый день, с удовольствием пили воду из сероводородных источников и привыкли к расслабленному состоянию после физиопроцедур. Познакомились с семейными парами из Мурманска и Ленинграда, с которыми вместе посещали концерты и гуляли в курортном парке по терренкуру.

В субботу, когда супруги шли по аллее в столовую, сзади раздался весёлый голос Викентия: «Обед отменяется, точнее, переносится в другое место!»

Подхватив их под руки, он увлёк их к выходу, где около машины, рядом с моложавым черноусым мужчиной стояла Наталья и приветственно махала рукой.

– Знакомьтесь, один из моих лучших учеников – Автандил! – представил его Викентий и, распахнув дверь, широким жестом пригласил всех в автомобиль.

Людмила, с интересом рассматривая окрестности, спросила:

– А нам далеко ехать?

– Нет, – свернув белоснежными зубами, улыбнулся Автандил, – и десяти километров не будет.

Когда они вышли из машины, Людмила замерла, поражённая суровой красотой гор, особенно величественно выглядевших на фоне полуденного солнца. На обрывистом выступающем мысу, в отрогах скалистого хребта стоял древний замок, к которому они перешли по горбтому мосту через небольшую, но бурную речку.

– Какое восхитительное место. Настоящая седая старина! – восхитилась она.

Автандил гордо улыбнулся:

– Это Аликоновское ущелье. Пастуха, который разбился, звали Али Конов. А насчёт старины... – он покачал головой. – Замок построен в прошлом году. Строили местные мастера, старались, чтобы всё было как раньше.

После небольшой экскурсии по ресторану они сели на полуоткрытой веранде.

– Вы позволите? – обратился Автандил к дамам. Получив утвердительный ответ, он подзвал девушку в национальном костюме, ожидавшую неподалеку:

– Манана, это очень дорогие мне люди, и всё должно быть вкусно и красиво! Из закусок принеси сыр, суджук, балык, икру, ну, масло, само собой, маслины, лобio с киндзой и орехами, зелень-мелень всякую, – Автандил озабоченно пошевелил пальцами в воздухе.

– Сначала харчо! Люля подашь минут через сорок, сумах и ткемали, понятно. После люля, через часок, мы ведь никуда не торопимся? – он взглянул на Лавра, который, поняв, что электрофорез на поясницу и душ Шарко отменяются, согласно кивнул.

– Потом ишхан! Это форель из озера Севан, только там водится, – пояснил Автандил гостям. – На углях пусть запекут. Теперь насчет пить! – он на мгновение задумался. – Дамам саперави, а нам пока по бутылочке «Московской особой»³¹ и «Отборного»³². Нарзанчика штучки три, а к форели ркацители белого. Сразу принеси две пачки «Герцоговины», пепельницы, по стакану чая – и спокойно накрывай!

Через десять минут стол стал похож на скатерть-самобранку. Автандил разлил вино и водку, и на правах хозяина взял слово:

– Однажды грузины долго сидели в парижском ресторане. Люди сменялись, и один завсегдатай спросил у официанта: кто это? Тот ответил: «Это грузины, они за столом не чувствуют времени». Давайте выпьем за то, чтобы Всевышний продлил нам жизнь на тот срок, пока мы сидим за столом с друзьями!

Автандил умело вёл застолье, делая перерывы между тостами и находя общие темы для разговора. Когда неожиданно он обнаружил, что спиртное заканчивается, то сразу подозвал официантку:

– Манана, ты знаешь, почему гора никогда не ходила к Магомету?

– Нет, Автандил Зурабович, – слегка покраснев, ответила девушка.

– Потому что у него нечего было выпить! – и, рассмеявшись, добавил: – Ты ведь не хочешь, чтобы мои друзья больше ко мне не пришли!

После люля, обильно приправленного перцем, разговор постепенно перешёл на политику. Когда Корчевский в очередной раз выразил опасение по поводу политических амбиций Гитлера, Автандил улыбнулся:

– Дорогой Викентий Леонтьевич! Германия никогда не будет воевать с нами! Вспомните, у нас давние торговые отношения. Немцы активно помогали нам в годы первой пятилетки. Мы поставляем им медь, никель, хлопок, лес, зерно! Зачем кусать руку, которая тебя кормит?

– Действительно, – поддержал его Лавр, – насколько я помню, наш высший командный состав посещал маневры рейхсвера. Вряд ли они пригласили бы потенциальных противников.

Викентий хотел что-то сказать, но, передумав, махнул рукой и попросил налить ему коньяку.

Ближе к вечеру заметно похолодало. Манана принесла пледы, и они стали пить чай, любуясь закатным солнцем, медленно прячущимся за заснеженными вершинами.

На следующий день заехал Автандил и повёз их в «Замок коварства и любви» на завтрак, который ненавязчиво перешёл в обед.

К четырем часам Викентия с Натальей отвезли на автовокзал и, взяв с них клятву при первой же возможности приехать в Краснодар, тепло распрощались.

– И мы через два дня уедем... – произнесла Людмила с лёгкой грустью, глядя вслед отъезжающему автобусу.

– Вы расстанетесь, чтобы встретиться снова, – ответил Автандил. – Я отвезу вас в санаторий, но знайте: вы всегда желанные гости в моем доме.

В сборах и прощаниях последний день пролетел незаметно. Отдыхающие обменивались адресами и телефонами, клятвенно обещая приехать и звонить как можно чаще. Наконец подъехало заказанное ещё утром такси, и они с чувством непонятного облегчения отправились на вокзал.

В поезде их попутчиком оказался мужчина средних лет, который даже в купе не снимал галстука.

– Ответственный работник, – подумал Лавр, и не ошибся. Мужчина оказался вторым секретарем горкома, ехавшим в Москву на отчётно-выборную конференцию по линии профсоюзов.

– Что пишут? – спросил он, увидев на столике свежий номер «Правды».

Сосед неопределенно качнул головой:

– Германия предложила присоединиться к Тройственному пакту. Молотов сказал, что всё будет зависеть от решения по Румынии, Болгарии и Турции и сообщил, что СССР не желает быть втянутым в конфликт с Англией, но немцы отвергли наши требования.

– И чем это грозит? – Людмила разложила на столике еду, привезённую Автандилом прямо к поезду, и пригласила его присоединиться.

– Обострением, точнее, напряжением отношений, – ответил новый знакомый, который представился Львом Семёновичем. – Неизвестно, во что это выльется дальше. На мой взгляд, немцы не та нация, которой можно доверять, особенно при таком лидере.

Под вечер поезд остановился в Невинномыске.

– Долго стоим? – спросил Лев Семёнович у проводника.

– Стоянка 55 минут. Водой заправляемся, – проводник, разогревавший титан, обжёгся и, засунув палец в рот, добавил: – Можете в вокзальный буфет прогуляться, они там пирожки с капустой хорошо пекут по расписанию. К каждому поезду подгадывают, чтобы с пылу с жару были.

Они вышли на платформу, оглядевшись вокруг, закурили и направились в буфет. Проводник не обманул: на прилавке стояло несколько противней, на которых лежали пышущие жаром пирожки.

– Может, пива взять? – озабоченно спросил Лев Семёнович.

– Не надо, туалет один на весь вагон, тем более что у меня есть коньяк!

Набрав пирожков и выйдя на перрон, они увидели, что первый путь занял воинский эшелон. Офицеры и несколько старшин курили около дверей. Через открытые двери теплушек виднелись нары, буржуйки с выведенными в окно трубами и оружейные пирамиды. В одной красноармейцы тихо под гармонь пели новую, но уже популярную после недавно вышедшего в прокат фильма «Истребители» песню:

В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд.
Пройдёт товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Неожиданно раздался паровозный гудок.

– По вагонам, – прозвучала команда, пролетевшая вдоль состава и затихшая где-то в конце платформы. Паровоз ещё раз свистнул и, медленно набирая скорость, потянул состав в чернеющую ночную степь.

– Интересно, куда едут? – тихо сказал Лавр.

– Военная тайна, – усмехнулся Лев Семёнович, надкусывая пирожок.

– В Знаменку они едут, это в Белоруссии, недалеко от Бреста, – раздался за спиной голос. Мужчина в рабочей телогрейке закуривал папиросу, прикрыв огонёк от ветра.

– Их туда из Азербайджана пе-ре-дис-ло-ци-ро-ва-ли, – он с трудом выговорил мудрёное слово и с гордостью добавил: – У меня сын в эшелоне, заместитель командира роты. Успел телеграмму отбить, что будет ехать мимо.

Лавр взглянул на красные, уже почти неразличимые вдали огоньки последнего вагона, и ему почему-то вдруг стало не по себе.

Около полудня курортники вернулись домой. Людмила начала разбирать вещи, а Лавр бесцельно слонялся по квартире, не зная, чем заняться. Ему очень хотелось пойти в отдел, но он понимал, что супруге не хочется оставаться одной в день приезда.

– Сходи в душ и ложись отдыхать. Полистай свежие газеты, а на работу пойдёшь завтра, – сказала Людмила, почувствовав, что творится у него на душе.

Выйдя из ванны, он прошёл на кухню и, с удовольствием закулив, взял лежавший сверху свежий номер газеты.

«Так, что тут у нас в мире творится», – подумал Лавр, перелистывая приятно похрустывающие листы, от которых ещё исходил едва уловимый запах типографской краски: – «Осушение болот Белоруссии», «Через Яузский шлюз прошли первые суда», «10-летие театра Краснознаменного Балтийского флота», «На зимних пастбищах в Кара-Кумах». Он быстро просматривал заголовки и, наконец, дошёл до военных сводок.

– В ночь на 13 декабря крупные соединения германских бомбардировщиков подвергли интенсивному бомбовому удару предприятия тяжелой промышленности в Шеффилде. Подводная лодка под командованием корветтен-капитана Леман-Вилленброка потопила неприятельские суда общим тоннажем 15.800 регистровых брутто-тонн.

Лавр покачал головой и стал читать дальше: «Английские военные корабли обстреляли скопления итальянских войск в районе египетско-ливийского побережья», «Французские самолеты совершили налет на город Убон на юго-востоке Таи», «Китайские войска, возобновив активные действия, заняли позиции в 30 км от города Ичан, выбив оттуда японские отряды», «Английский вооруженный пароход «Вестерн-принс» подвергся нападению субмарины в 400 милях к северо-западу от Северной Ирландии»³³. Отложив газету, он взглянул в окно, где на подоконнике сидел нахохлившийся воробей, и задумался.

– Что пишут? – спросила Людмила, ставя перед ним тарелку с невинномысскими пирожками.

– Ничего хорошего, – вздохнул Лавр, откусив кусочек. – Весь мир воюет, боюсь, что и нас затронет.

– Всегда где-то воюют, – философски заметила она, наливая в заварник кипяток, – погоди, сейчас чай будет. Неужели ничего хорошего нет?

– Почему нет? – он опять взял газету. – Есть, причем у нас... Вот, слушай! В Краснодаре заканчивается строительство 12 жилых домов: 2-, 3- и 4-этажных общей площадью 10.000 кв. метров. 5000 кв. метров уже сдано в эксплуатацию.

– Ну вот, видишь! Жизнь идёт, страна строится! Товарищ Ермаков, прекращай вести упаднические разговоры.

В дверь позвонили. Людмила открыла, и на пороге появился Александр Сидорович с супругой, держа в руках бутылку коньяка и торт.

– Мы пришли за подробным отчетом, – сказал сосед. – Рассказывайте, как отдыхалось?

Утром Лавр, позавтракав, сразу отправился в отдел. Несмотря на то что дежурный, как обычно, доложил ему сводку и сообщил, где находится руководство, его не покидало ощущение, что он здесь уже гость, уважаемый, почетный, но... гость. Поднялся на второй этаж, подошёл к кабинету и остановился, глядя на табличку, на которой уже была написана фамилия Виктора.

– А чему я удивляюсь? Назначен новый начальник, и радоваться надо, что согласились с предложенной мною кандидатурой, – Лавр для приличия коротко стукнул и, не дожидаясь ответа, вошёл.

Увидев его, Виктор вскочил, шагнул навстречу и горячо пожал ему руку:

– Как ждал вас, Палыч, вы не представляете! Если бы ещё на пару-тройку дней задержались, я сам бы к вам в санаторий приехал!

– А что случилось?

– Вышли на одну банду. Крови на них нет, но железной информацией по трём кражам мы располагаем. По отпечаткам пальцев эксперт предположил, что это подростки. В заключении он это не указал, говорит, официальных методик у них нет, а предположение высказал. Отработали и по линии участковых и с комсомольским активом беседовали – всё без толку.

– Кроме отпечатков, что-нибудь указывает на то, что это подростки?

Виктор замялся:

– При ограблении продуктовых магазинов обязательно конфетные обертки валяются, и все разные. Булочки и пирожные надкусанные. Как будто дитё до сладкого дорвалось... Я никому об этом не сказал, только вам.

– Все эпизоды на одной территории?

– Да. Два на нашей, один у соседей, с ними вместе работаем.

– У меня, извини, у тебя в столе должна карта города быть, давай её сюда и покажи, в какие магазины залезли.

Разложив карту, Виктор сделал карандашом отметки и выжидающе посмотрел на Ермакова, который задумчиво разглядывал три синие точки.

– Когда была последняя кража? – спросил он.

– Позавчера.

– Значит, сбыть, а тем более съесть, не успели. Если, конечно, не под заказ работали. Все кражи совершены неподалеку от кинотеатра «Великан». Я думаю, что они каждый вечер там ошиваются.

Вдруг он улыбнулся:

– У нас в отделе работают два очень симпатичных сотрудника. Одна в финчасти, а вторая в канцелярии. Достань им два билета, пусть вечером сходят, посмотрят. Познакомятся с молодежью, глядишь, и конфетами угостят. Попробуй, может, получится. Только обязательно лично проинструктируй и прикрытые обеспечить.

– Сделаем, – кивнул Виктор. – Прямо сейчас займусь.

– А что по кражам, которые до моего отъезда были? Титковского взяли?

– Серого? Взяли! И дружка его Коляшу тоже... Мы знали, что он к Инке-скрипачке заглядывает. Квартиру под наблюдение поставили – и через три дня их приняли. Уже материалы в суд направили, – он замаялся: – Палыч, я сейчас за девочками схожу, а вы план работы отдела на первый квартал, гляньте, пожалуйста.

Он достал из сейфа скоросшиватель и, положив на стол, выскочил из кабинета. Лавр взял в руки хорошо знакомую серую коленкоровую папку, и от этой обычной просьбы на него неожиданно нахлынула тёплая волна радости.

«Значит, не забыли, нужен ещё!» – с благодарностью подумал Лавр и углубился в чтение.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Виктор, держа за руки двух девушек:

– Арина и Дарья готовы к бою, – весело сказал он. – Я им обрисовал задачу, может, вы что-нибудь добавите?

Лавр улыбнулся: они были ему хорошо знакомы, и он всегда с удовольствием смотрел на их ладные спортивные фигурки.

– Виктор Семёнович, уже сориентировал вас, хочу только предупредить: ни в коем случае, если войдете с ними в контакт, ни под каким видом не идите к ним в гости или куда-нибудь ещё. Вас будут прикрывать, не ищите глазами нашего сотрудника, он всегда будет держать вас в поле зрения. Лучше всего представиться работниками детского сада, желающими купить партию сладостей, чтобы собрать подарки для детей. Я думаю, что перед Новым годом это не вызовет особых подозрений. Если получится, то назначайте встречу в детском саду.

Он обернулся к Виктору:

– Надо подобрать садик в другом районе, чтобы вход на кухню был отдельный, – и, повернувшись к девушкам, добавил: – Не вздумайте только представляться заведующей: по возрасту не подходите, назовитесь воспитательницей или музыкальным работником.

Они одновременно кивнули.

– Не страшно? – спросил Лавр.

Дарья дёрнула плечом:

– Пусть они боятся! Шпана уличная!

– Так нельзя, – Лавр осуждающе покачал головой. – Во-первых, противника лучше переоценить, чем недооценить, а во-вторых, – голос его посуровел, – это вовсе не шпана, а устойчивая преступная группа, имеющая в активе три эпизода.

Когда девушки вышли, Лавр протянул Виктору папку:

– Все правильно, только добавь встречи с трудовыми коллективами.

– Хорошо, а почему садик надо подобрать подальше?

– Если у них есть братики или сестрички, которых они туда водят, то могут знать персонал в лицо.

В фойе кинотеатра играл духовой оркестр, певица в чёрном, таинственно переливающимся в лучах прожектора длинном платье, прижав к груди микрофон, хриплым контральто пела:

В парке Чаир распускаются розы,
В парке Чаир расцветает миндаль,
Снятся твои золотистые косы,
Снится весёлая звонкая даль.

– Шикарная шмара! – восхищённо покачал головой молодой паренёк с выпущенным поверх пиджака воротником рубашки. – Вот кому-то везёт, каждый вечер с ней кувыркается.

– Да... Бабец что надо! – поддакнул его товарищ, облизав пухлые и без того влажные губы. – Чиркан, пошли в буфет! Ситро с бутербродами попьем!

Они отошли от сцены и направились к стойке. Вдруг Чиркан остановился и толкнул приятеля в бок:

– Глянь, Губа, какие цыпы! Пошли попробуем пришвартоваться!

Предварительно обойдя девушек со всех сторон и убедившись, что они одни, Чиркан запустил пробный шар. Сделав серьёзное лицо, он прошёл мимо и вдруг резко остановился:

– Девушки, дико извиняюсь, не мог ли я вас видеть на танцплощадке в Первомайской роще?

– Да, могли. Мы с подругой там часто бываем, – вежливо улыбнувшись, ответила Арина.

– Какая неожиданная встреча! – восхищённо произнёс он. – Как приятно встретить знакомых!

– Мы разве знакомы? – Дарья удивлённо взглянула на подругу.

– Меня звать Владимир, – Чиркан галантно склонил голову, – мы уже знакомы на пятьдесят процентов!

– На двадцать пять, – засмеялась Арина. – Вы не представили своего друга.

Чиркан махнул рукой, подзывая приятеля:

– Леонид, только он очень застенчив! За стеночку держится, когда стесняется!

Закончив смеяться, девушки назвали свои имена. Чиркан с достоинством посмотрел на наручные часы – до первого звонка ещё полчаса: – Мы с Владимиром собирались в буфет и будем очень рады, если составите нам компанию.

– С удовольствием! – Дарья, усмехнувшись, озорно взглянула на Арину и взяла Чиркана под руку. На ватных, подгибающихся от неожиданной удачи ног, мгновенно взопревший Чиркан повел её к стойке.

– Что будете? – спросил он.

– Эклер и кофе, – рассеянно оглядываясь по сторонам, сказала Арина.

– Я тоже кофе, – Дарья, издали оглядев стеклянную витрину, томно добавила: – С каким наслаждением я съела бы шоколадную конфетку, но их здесь нет!

– Это дефицит, – ответила Арина. – Может, к празднику выкинут?

Леонид, который от волнения ещё не произнёс ни одного слова, вытащил из кармана гость конфет и молча положил на стол. Полина восхищённо выдохнула:

– О-о-о! «Белочка», «Мишка на Севере», «Мишка косолапый»! – она лукаво взглянула на сопевшего от гордости парня: – Целый зоопарк на столе!

Чиркан подошёл с подносом и быстро расставил на столе пирожные и кофе.

– А мы никак не можем достать для детских подарков конфеты, – сокрушённо вздохнула Дарья. – У нас и деньги выделены, заведующая уже все кабинеты обегала, родителей озадачила, но надежды никакой!

– Ну почему же никакой? – Чиркан вальяжно откинулся на спинку стула. – Сколько вам надо?

Прежде чем идти на задание, Арина проконсультировалась у знакомой продавщицы и уверенно ответила:

– У нас три группы по двадцать детей, на килограмм идёт шестьдесят конфет. Заведующая возьмёт с запасом по полтора килограмма каждого сорта.

Чиркан важно кивнул:

– Не проблема, скажите, куда принести!

– Лавр, хватит курить! Кого ты все время высматриваешь? – с лёгким раздражением сказала Людмила. – Пошли в зал!

– Идём, идём, – увидев, как парень высыпал перед девушками горсть конфет, он затушил папиросу и, пряча в усах улыбку, не оглядываясь направился в зал.

По раздавшемуся неподалёку паровозному свистку Титковский понял, что они уже подъехали к вокзалу. Автозак остановился в самом конце, где уже начинались запасные пути.

– Теперь точно пару часов на холоде продержат! – сказал один из заключённых.

– Не успеешь приехать, сразу на больничку попадёшь, – обнадёжил его сосед, бодрый старичок с растрёпанной бородой.

По железной крыше вдруг забарабанил дождь. Они уже приготовились к долгому ожиданию, как дверь неожиданно распахнулась, и в душную камеру ворвалась, струя свежего холодного воздуха.

– Васильев, на выход! – раздалась команда.

Со скамьи поднялся молодой парень и, держа в руках матерчатую торбу, направился к двери.

– Дождик в дорогу – это хорошо, – сказал кто-то из темноты.

– Быстрее, быстрее, мать вашу! – слушал Серый крики старшего конвоя, сидя в зарешечённом фургоне, в котором его и ещё восьмерых осуждённых привезли на этап.

– Титковский! – раздался надсадный крик.

Подхватив тощий сидор, он прыгнул на землю и быстро побежал между солдатами. На ступеньках «столыпина»³⁴ его за шкирку схватил стоявший на площадке дюжий розовощёкий конвоир, втянул в вагон и, не давая опомниться, затолкал в купе. Настроившись на то, что камера будет забита битком, он был приятно удивлен, увидев всего четверых.

– Привет честной братве, – степенно сказал Серый, безошибочно вычислив, что трое явно не первоходы. – Какая шконка свободна?

– Ты присядь, расскажи людям о себе, а там по делам твоим и место тебе определим, – ответил пожилой бородатый мужик.

– Титковский Сергей Дмитриевич, кличка Серый, статья 162 г.³⁵ Срок два года. Вторая ходка.

– А первый раз за что залетел? – спросил скуластый парень лет тридцати с узкими чёрными глазами.

– По 167³⁶. Семь лет, – спокойно ответил Серый, демонстрируя уважение к присутствующим.

– Петрович, – не поворачивая головы, сказал бородатый, – шмотье своё перекинь на третий ярус. Судя по заходу, правильный бродяга в наш дом заглянул.

Серый присел к столу и, развязав сидор, положил на стол кусок сала, пачку махорки и цыбик чая.

– Вот и чифирёк в радость! – обрадовался обладатель бороды. – А то брандахлыст³⁷ надоел.

– На чифирёк не наберётся, а вот купчика³⁸ попить можно будет, – сказал Серый. – Конвой вологодский?³⁹

– Нет, – ответил скуластый. – Кипяток дают и до ветру водят, когда нужда наступит. Если просим, дверь в тамбур от холода прикрыть, тоже не отказывают.

– А откуда этап? – поинтересовался он.

– Из Махачкалы, я первый пассажир. Коля Ухналь в Минводах подсел, а Петрович и Баламут в Усть-Лабе. Везут нас в Белоруссию, там город есть, Орша называется, вот там и будем чалиться.

– Неужто поближе тюрем не было? – Серый искренне удивился: – Ладно бы на севера, в лагеря законопатили.

– Да нет уж, спасибо! Мы эту делюгу уже обкашляли. Я с Баламутом в КарЛАГе⁴⁰ сидел, только в разных отрядах. Ветры с ног сдувают, вся харя в песке. Ухналь вон в АнгарЛАГе отдыхал, шестерик отмотал... Нет... лучше к бульбашам, там хоть лето как лето и зима как зима.

– Это точно, – согласился Серый. – Я первый срок в ХакасЛАГе оттянул. Лучше на запад, чем на восток.

Заварив чаю, они поужинали и легли спать. Петрович, который сел за растрату, начал тихо напевать:

По тундре, по железной дороге,
Где мчится поезд Воркута – Ленинград,
Дождик капал на рыло и на дуло нагана,
Лай овчарок всё ближе, автоматы стучат.
Я тебя не увижу, моя родная мама,
ВОХРа нас окружила, «Руки в гору!» – кричат.

– Петрович, – проникновенно сказал Баламут, – если не заткнёшься, я тебе точно что-нибудь на рыло накапаю, в хату опущенным зайдёшь.

Перед Новым годом они получили телеграмму о приезде сына. Людмила сразу засуетилась и побежала на рынок.

Вдоволь наигравшись с внучкой, на следующий день Лавр сказал:

– Это первый Новый год, который я встречаю, не ожидая телефонного звонка и не думая, что завтра идти на службу. Давайте встретим его так, чтобы запомнить на всю жизнь. Тем более что у нас на кухне, – он погладил по белокурой головке сидевшую у него на коленях Катю, – усиленный наряд! Надо будет обязательно пригласить Пришельцева.

Гости были приглашены к семи вечера, но Лавр уже с пяти часов начал придирчиво оглядывать стол. Обнаружив отсутствие лимона, он забеспокоился и стал быстро одеваться. Глядя на непривычно суетящегося мужа, Людмила усмехнулась:

– Лимоны принесет Александр Сидорович с женой, не переживай.

Лавр опять взглянул на красиво сервированный стол:

– А пироги куда поставим?

– На подоконник, – она вздохнула. – Сядь, не мельтеши, лучше вынеси на балкон шампанское и боржоми, как раз охладятся.

– Я уже вынес, – ответил он и озабоченно спросил: – А почему одиннадцать приборов? Нас же девять: четверо гостей и нас пятеро!

– Всегда нужно иметь резерв, вдруг кто-то из сослуживцев зайдёт поздравить, – неожиданно спокойно сказала Людмила, бросив короткий взгляд на часы.

– А где Виктор? – вдруг спросил Лавр, обнаружив отсутствие сына. Людмила переглянулась с Леной:

– Он за хлебом пошёл.

– Так вот... – он удивлённо взглянул на стол, где стояла хлебница: – Я же четыре батона принёс!

Женщины снова переглянулись.

– Я попросила буханку чёрного взять, вдруг кто-то любит, – ответила Лена. Раздался звонок, и Людмила улыбнулась:

– Иди, открывай, Виктор вернулся.

Лавр открыл дверь и растерянно замер, глядя на стоявших на пороге Викентия и Наталью. Выглядывавший позади с чемоданом улыбающийся Виктор перчаткой отряхивал упавшие на голову снежинки.

– Людмиле понравилось наше вино, и я привёз несколько бутылок, – невозмутимо, как будто только что вернулся из магазина, сказал Викентий. – Ты позволишь войти?

Когда наконец все гости расселись, Лавр поднял рюмку:

– Иногда я задумывался: что такое счастье? И вот сегодня ощутил это в полной мере! Счастье, когда ты дома, рядом с тобой дети, внуки и друзья, ставшие для тебя родными людьми. Я благодарен судьбе, что она подарила мне этот чудесный день! За ваше здоровье, дорогие мои!

Без пяти двенадцать Лавр и Виктор откупорили шампанское и разлили по фужерам. Людмила подкрутила ручку настройки, и через мгновение комнату заполнили мелодичные звуки кремлёвских курантов.

Это был замечательный вечер, веселье не стихало, и тосты следовали один за другим. В начале второго вдруг позвонили в дверь.

– Папа, ты что? Получил приемник и решил вернуться на службу? – засмеялся Виктор, вставая из-за стола и направляясь в коридор. Хлопнула входная дверь и на пороге появился Виктор Семёнович, сзади смущённо топтался милиционер, держа в руках торт и бутылку шампанского.

– С Новым годом! – весело сказал он. – Я сегодня ответственный от руководства, наряды проверяю... Никак не мог мимо проехать! От всех ребят счастья вам всем и здоровья!

Лавр был тронут и не скрывал, что ему приятно внимание сослуживцев.

– Раздевайтесь и за стол! – пригласил он новых гостей.

– Только мы на чуть-чуть, – предупредил Виктор Семёнович, снимая шинель. Посидев минут двадцать, он распрощался и, взяв слово, что Лавр после праздников обязательно заглянет в отдел, уехал.

– Вот видишь, Лавр Павлович, а ты переживал, что забудут! – усмехнулся Пришелец, накалывая на вилку солёный огурчик. – Помнит тебя народ и ещё не скоро забудет. Ты же меня не забываешь!

В начале пятого гости стали расходиться. Женщины убрали посуду со стола, единогласно решив вымыть её утром. Людмила приготовила гостям постель, и все легли спать. Уже засыпая, Лавр спросил:

– А как ты ухитрилась втайне от меня пригласить Викентия?

– Есть такая штука, телефон называется, – ответила она, взбивая подушку.

– А если бы трубку взял я?

– Я использовала резервный канал связи.

Лавр приподнялся на локте и удивлённо посмотрел на жену. Людмила взъерошила ему волосы:

– Я дала им номер Александра Сидоровича и предупредила их, что это мой новогодний подарок, – она поцеловала его в макушку и, отвернувшись, натянула на себя одеяло.

Через пять дней они проводили Виктора с семьей. Лавр успел сводить Катеньку на новогодний утренник, который организовывали для детей в управлении. Внучка с восхищением рассматривала большой бумажный пакет с подарком, на котором был нарисован Дед Мороз в милицейской фуражке с полосатым жезлом и надписью «С Новым 1941 годом!», напечатанной большими разноцветными буквами.

Но самое большое впечатление на неё произвёл кукольный театр! Когда опустился занавес, Катя никак не могла поверить, что волшебство закончилось, и не хотела уходить из зала. Лавр, обзвонив всех знакомых, достал билеты на следующий день и вновь повёл внучку на тот же самый спектакль.

Незаметно подошло Рождество. Несмотря на то что Людмила была членом партии, она всегда старалась его отметить и, вспоминая близких ей людей, накрывала стол. Это праздник напоминал ей детство. В Сочельник она испекла пирог и приготовила по старинному семейному рецепту, который помнила ещё с юности, щуку. Свернула её кольцом и красиво уложила на блюдо, к которому мужа не подпускала до появления первой звезды.

Они сели ужинать и Лавр открыл бутылку кагора.

– Будем пить и Бога славить, – сказал он, протягивая рюмку, и в это время зазвонил телефон.

– Вечер добрый, Палыч! Как отдыхается? – Федотов устало рассмеялся: – Как подумаю о тебе, аж завидки иногда берут.

– Как сказать, Никифор Максимович, отдыхать не работать. Если честно, то, конечно, скучаю. Но связей не теряю.

– Да я знаю! На неделе по три раза на службе появляешься. Виктор рассказывал, что с твоей подачи группу малолеток взяли. За что тебе большое спасибо!

– За что? – искренне удивился Лавр.

– За то, что службу не забываешь и молодым помогаешь! – серьёзно сказал Федотов. – Скажи, завтра к трём сможешь подойти? Разговор есть.

– Конечно смогу, – бодро ответил он. – В 15.00 я у вас.

– Вот и славно! Тогда до завтра, – с удовлетворением произнёс начальник ОУР и положил трубку.

– Федотов звонил, – обернулся он к Людмиле, – просил завтра к трём зайти.

– А, старый боевой конь уже забил копытом? – усмехнулась она. – Может, ты обходной у кого-то подписать забыл?

– Нет, – уверенно парировал он: – Без обходного радиоприемник не подарили бы!

На следующий день без четверти три Лавр уже был в управлении: он вышел пораньше и с удовольствием прошёлся по заснеженному городу, разглядывая витрины, в которых ещё висели новогодние украшения. Поздоровавшись со знакомыми, без двух минут три он постучал в дверь.

– Заходи, Лавр Павлович, – Федотов вышел из-за стола и протянул руку: – Присаживайся, закуривай, разговор долгий и серьезный.

Когда они выкурили по папиросу, Никифор Максимович, налив чаю, сказал:

– Руководство обеспокоено сложившейся политической ситуацией. Гитлер оккупировал всю Западную Европу и на этом не остановится. Мы находимся на грани войны с немцами.

– А как же Пакт о ненападении? – обескураженно спросил Лавр.

– Плевать он хотел на этот пакт, – просто ответил Федотов. – Захотел оккупировать Польшу, передел уголовников в польскую форму, расстрелял радиостанцию в Гляйвице, заявил во всеуслышание, что поляки напали первыми, и за месяц установил свою диктатуру. Он накопил огромный военный потенциал, а мы у него как кость в горле. В Москве это прекрасно понимают. Если ты помнишь, ещё в июне по команде сверху началась подготовка милиционеров на полевых сборах, оперсостав мы не привлекали, и ты этого не знал, а в конце

октября в составе НКВД было образовано Главное управление местной противовоздушной обороны.⁴¹ Как ты думаешь, это всё просто так?

– Нет, конечно. Ситуация в мире действительно напряженная.

– Дело вот в чём: наши хлопцы умеют раскрывать преступления, нести патрульную службу, направлять дела в суд, но они не умеют воевать. В 20-х годах практически каждый прошёл через Гражданскую, а каждый второй – через Германскую. Вот на твое место назначили Виктора. Что ты можешь сказать о нём?

Лавр на мгновение задумался и уверенно произнёс:

– Грамотный оперативник, прекрасно знает действующие приказы, много времени уделяет повышению культурного уровня, занимается самообразованием...

– Достаточно, – Федотов остановил его взмахом руки. – Не аттестацию на него готовишь. Ты мне скажи: сможет он привести к нормальному бою «максим» или, к примеру, пристрелять трёхлинейку?

– Вряд ли, – честно ответил Лавр.

– Раньше этому обучали, – вздохнул Никифор Максимович. – Вот, взгляни.

Он вышел из-за стола и, подойдя к сейфу, достал потрёпанную папку:

– Это личное дело Малютина. Он уже давно перевелся к нам с Дальнего Востока. Толковый парень⁴², будем его выдвигать, но суть не в этом.

Развязав тесемки с затянутыми на концах, чтобы не лохматились, узелками, он перелистал несколько страниц и, достав большой, сложенный в несколько раз лист бумаги, удовлетворенно крикнул:

– Это его свидетельство об окончании милицейской школы комсостава. Посмотри, какие дисциплины они изучали. Пулемётное, гранатомётное и стрелковое дело, тактику уличного боя, знание револьвера и даже джиу-джитсу. Помнишь Постановление Совнаркома от 1931 года?

Лавр утвердительно кивнул:

– Это когда нас стали рассматривать как армейский резерв?

– Да, тогда военная подготовка стала обязательной, но мы не придавали ей значения, ставя во главу угла специальные дисциплины, несмотря на то, что военные получили право контролировать процесс обучения. Сейчас перед нами стоит задача – подготовить сотрудников к работе в условиях войны, которая не за горами.

– Может быть, надо привлечь к работе армейских инструкторов? – неуверенно спросил Лавр.

Федотов досадливо махнул рукой:

– Это само собой. Уже подготовлена программа, соответствующая уровню подготовки бойцов Красной Армии. Но я имею в виду оперативную работу в прифронтовой полосе и за линией фронта. У тебя есть опыт диверсионной и агентурной работы. Если говорить прямо, то мы должны подготовить подпольщиков и партизан.

Лавр улыбнулся:

– То есть научить их жить наоборот?

Никифор Максимович непонимающе взглянул на него, и он пояснил:

– Если раньше мы обучали людей, как оставаться незамеченными при наблюдении за объектом, то сейчас их нужно учить, как вычислить хвост и отделаться от него.

– Ты, Палыч, все правильно понял, – вздохнул Федотов. – Ты теперь человек свободный. Посиди, подумай, чему надо обучить сотрудников, и как будешь готов, заходи. Три дня хватит?

Лавр всерьёз принялся за работу. Вечером, заварив крепкого чая, он положил перед собой лист бумаги и, вспоминая все войны и операции, начал записывать чему, по его мнению, было необходимо обучить милиционеров.

– Ты стал писать мемуары? – с лёгкой иронией спросила Людмила, войдя на кухню и глядя на кучу скомканной бумаги.

– Нет, – не приняв шутки, он покачал головой: – Это план подготовки личного состава к работе в условиях военного времени.

– Тебя из-за этого вызывали в управление?

– Да, – сказал он задумчиво и, взглянув в чёрный квадрат окна, помолчав, добавил: – Ты знаешь, Викентий был прав. Мы стоим на пороге такой войны, какой ещё не было в истории человечества.

Часа через полтора он, откинувшись на спинку стула, закурил и, отодвинув от глаз бумагу, начал вычитывать написанный текст на ошибки:

Начальнику УНКВД
по Краснодарскому краю
майору государственной безопасности
Ф.И. Шулишову

Докладная записка.

В целях качественной и своевременной подготовки сотрудников милиции к несению службы в условиях военной агрессии полагал бы целесообразным включить в программу обучения оперативного состава следующие темы.

По тактической подготовке:

- ориентировка на местности по компасу, карте и местным предметам с умением засекаать нужные объекты, определять их координаты и передавать по радию;
- определение рода войск противника по форме одежды и знакам различия, техники – по опознавательным знакам и внешнему виду;
- способы обмана противника для сохранения боеспособности;
- знание вражеской тактики действий, его военную терминологию, системы охраны и обороны объектов, навыки перевода документов.

По медицинской подготовке:

- оказание помощи при проникающих ранениях, контузиях и отрывах конечностей;
- наложение повязок и шин с использованием подручных средств в полевых условиях.

По боевой подготовке:

- применение взрывных веществ и боеприпасов, состоящих на вооружении наших войск и противника. Изготовление взрывчатки из подручных материалов. Устройство паровоза, железнодорожных стрелок и сцепок.

По специальной подготовке:

- методика сбора развединформации (личное наблюдение, опрос знающих лиц, подслушивание разговоров);
- способы проникновения на объект;
- создание явочных и конспиративных квартир (хозяева – люди, искренне преданные Родине);
- выявление слежки и способы отрыва от неё;
- способы маскировки.

Считаю целесообразным разработать краткий русско-немецкий разговорник, к составлению которого предлагаю привлечь преподавателей Краснодарского государственного педагогического и учительского института им. 15-летия ВЛКСМ⁴³, предварительно взяв подписку о неразглашении.

Л.П. Ермаков

15 января 1941 года.

Исправив несколько слов и расставив запятые с точками, он ещё раз внимательно перечитал докладную записку. Аккуратно переписав, положил её в папку и направился в спальню.

– В самом деле молодец этот твой Ермаков, – сказал Шулишов. – Грамотно всё расписал, сразу видно, что повоевал человек!

– Уже не мой, – вздохнул Федотов.

– Что поделать, он же не Вечный жид⁴⁴, который будет служить в розыске до второго пришествия.

– Это точно, – Федор Иванович коротко рассмеялся. – Хотя жаль, конечно.

– Поручи кому-нибудь из толковых руководителей подобрать место для занятий, свяжись с начальником гарнизона: пусть найдут хороших инструкторов и военврача, желательно таких, которые в Финскую повоевали или на Дальнем Востоке. Ещё в институт поезжай, на кафедру иностранных языков. У тебя там наверняка кто-то есть.

– Кто-то – это кто? – переспросил Федотов, прекрасно понимая, кого имел в виду начальник.

– Кто освещает эту кафедру, – ответил Шулишов.

– Так это не по моей линии, я больше по вора и бандитам. 58-я⁴⁵ не по нашему ведомству.

– Ладно, – Фёдор Иванович махнул рукой. – Сам разберёшься, не маленький. В общем, бери всё в свои руки и начинай организовывать.

Он устало потёр виски, пододвинул к себе перекидной календарь и перевернул несколько страниц:

– Сегодня у нас 19 января. 29 числа я жду тебя с докладом о готовности приступить к занятиям с 1 февраля. Десять дней – это выше крыши! Да, вот ещё, зайти в кадры, пусть оформят его каким-нибудь курьером или письмоводителем. Если начнут артачиться, скажи, моя команда!

Перед первым занятием Лавр волновался. Больше всего он опасался вопроса: «Для чего нам все это нужно?» Но сотрудники, которых он знал, практически всех, ничего не спрашивали, а внимательно смотрели, ожидая начала.

– Товарищи, – негромко начал он, – сегодня в мире сложилась крайне сложная обстановка, и ни для кого не секрет, что война приближается к нашим границам. Если это случится, то мы должны быть готовы к встрече. Нам необходимо научиться работать в тылу врага.

– Разрешите, товарищ Ермаков? – молодой розовощёкий парень, которому не было ещё и 30 лет, поднялся, комкая в руках кепку. – Вы считаете, что если начнется война, враг сможет дойти до Кубани? Мы создали непобедимую армию! Итоги второй пятилетки наглядно показывают преимущество социалистического строя. По отношению к 1938 году выплавка чугуна выросла на 439%, стали – на 412%, прокат черных металлов – на 382%, а стахановский почин ни имеет равных в мире!

Он гордо огляделся по сторонам, ожидая одобрения товарищей, но все сидели молча.

– На сегодняшний день вермахт – самая подготовленная армия в мире. Поверьте, они умеют воевать, я прошёл Первую империалистическую и говорю это со всей ответственностью, – спокойно ответил Лавр.

– Это была царская армия, не имеющая идейной платформы, – запальчиво воскликнул парень. – Сейчас каждый советский гражданин готов умереть за Родину!

– Умереть, Сережа, большого ума не надо, – обернулся к нему один из сотрудников, – победить и вернуться живым – вот что требуется! Сядь и слушай, что тебе умные люди говорят.

Парень, сконфузившись, опустил на стул.

– Скажите, кому из вас пришлось повоевать? – спросил Лавр, оглядев зал.

– Я на озере Хасан⁴⁶ был. Вторым номером в пулемётном расчёте, – поднялся мужчина, осадивший Сергея. Лавр кивнул:

– Очень хорошо. Будете старшим учебной группы. Сегодня мы обсудим «Способы обнаружения слежки и ухода от наблюдения». Наверное, каждый из вас имеет опыт ведения объекта, и сегодня мы рассмотрим эту ситуацию, с другой стороны. Прежде всего необходимо своевременно обнаружить хвост. Если вам при движении на глаза попался дважды один и тот же человек, можно предположить, что вас повели. Чтобы оторваться от наблюдателя, есть простые, но действенные способы. К примеру, вы заходите в магазин женского белья и через витрину некоторое время наблюдаете за действиями хвоста. Если филер неопытный, он войдёт следом за вами. Обязательно купите какую-нибудь мелочь и держите её так, чтобы он видел. Этим вы усыпите его бдительность. Затем проверяетесь: останавливаетесь около витрины и наблюдаете через отражение. Как правило, ведут по другой стороне улицы. Ещё есть хороший способ. Всегда носите в кармане записку бытового содержания, ну, допустим, список покупок или жировку.⁴⁷ Обнаружив хвост, достаете её, комкаете и выкидываете. Он обязательно её подберет. Легче всего обнаружить хвост в дождь: достаточно изменить скорость движения, что очень легко сделать, обходя лужи.

Лавр оглядел сотрудников:

– Каждый из вас может импровизировать, самое главное – чтобы это выглядело естественно. Так вот, товарищи, будем считать, что хвост вы обнаружили, теперь задача – от него избавиться. Предлагайте варианты!

– Проходные дворы? – спросил молодой парень в коричневой куртке.

– Правильно, – кивнул Лавр. – Ещё?

– Можно использовать дома с чёрным ходом и зайти в квартиру к знакомым.

– Чтобы знакомых вместе с тобой прихлопнули! – засмеялся один из сотрудников. – Так не пойдёт. Лучше поводить хвост по городу и в удобном месте ликвидировать.

– Ну что ж, – улыбнулся Лавр, – как одну из версий можно принять, только потом придётся залечь на дно, а вот насчёт поводить – правильно. Это называется «петляние», или «лабиринтный» маршрут. Есть ещё способы, например, резко ускорить шаг после поворота за угол – для того, чтобы пойти как можно дальше, чем при обычной скорости движения. Рассматривать варианты с общественным транспортом мы не будем, так как вряд ли он будет работать на оккупированной территории.

Раздался короткий стук в дверь, и комнату вошёл высокий подтянутый мужчина в гимнастерке. На малиновых петличках тускло поблескивали две шпалы. Он коротко огляделся и, безошибочно вычислив старшего, подошёл к Лавру:

– Я пришёл правильно?

– Если проводить занятия, то правильно, – кивнул тот и протянул руку. Военный пожал её и представился:

– Военврач 2-го ранга Михаил Михайлович Юсуфов. По просьбе вашего руководства проведу у вас несколько лекций. Наши занятия будут практическими. Я расскажу вам, как правильно оказывать помощь себе и товарищам. Вовремя наложенная повязка зачастую может спасти жизнь. Трупов и крови, надеюсь, никто не боится?

– Не кисейные барышни мы, а оперуполноченные уголовного розыска! Пришлось повиждать, – хмуро буркнул парень, рассказывавший об итогах пятилетки, и с лёгкой иронией спросил: – А вы сами где воевали?

Михаил Михайлович улыбнулся:

– Ну что ж, вопрос абсолютно резонный. Испания, потом Халгин-Гол⁴⁸ и Финская.

В зале повисло молчание. Сотрудник, воевавший на озере Хасан, неодобрительно посмотрев на смутившегося Сергея, спросил:

– Товарищ военврач 2-го ранга, а в Испании вы где были?

– В Мадриде и Гвадалахаре.

– А в каких войсках? – раздался голос с последнего ряда.

– В 1-й Республиканской танковой бригаде, – ответил Юсуфов, – но об этом давайте позже. Если интересно, после занятий задержимся, расскажу. Кстати, на Халгин-Голе познакомился с одним милиционером: он у меня в госпитале лежал. Я его прооперировал, и ему Героя дали. Когда отмечали, он говорит: – Спасибо тебе, Михалыч, что не посмертно.

– Пономарёв⁴⁹? – восхищённо выдохнул белобрысый парень с первого ряда. – Нам на политчase рассказывали! Первый Герой Советского Союза среди милиционеров!

– Первый или нет, не знаю, но Пономарёв, – подтвердил Михаил Михайлович. – Только это всё после занятий. Как правило, первая встреча запоминается лучше всего, и поэтому тема будет несколько необычной. Мы поговорим о том, как притвориться убитым на поле боя.

Он осмотрел зал и весело сказал:

– Я уверен, что каждый из вас видел трупы и осматривал их. Умерших естественной смертью мы в расчёт не берём. Чем он отличается от живого человека?

– Неподвижностью!

– Правильно, ещё?

– Расслабленностью.

– Есть, ещё?

– Бледностью кожных покровов.

– Отлично! Именно этого ответа я ждал! На поле боя, чтобы притвориться убитым, надо прежде всего побороть брезгливость. Никогда не пытайтесь изображать труп, лежа на спине. Вас выдадут движения глазных яблок и грудная клетка. Положение для имитации должно быть на животе, полубоком. Дышать только поверхностно и ни в коем случае не задерживать дыхания. Вы не йоги, выдержите максимум минуту, а потом станете дышать как астматик. Лучше всего в качестве маскировки действует кровь. Если рядом окровавленный труп, отшвыриваете его в сторону без всякого стеснения и моральных терзаний, ложитесь на его место, не забыв вымазать себе лицо кровью. А если вдруг вам повезёт, и рядом окажется тело с эвентрацией – это выпадение кишок или сальника, – пояснил он, – то не задумываясь отсекаете ножом как можно больший кусок и выдаёте его за свои потроха.

Он обаятельно улыбнулся:

– Это все мы с вами отработаем в морге на практических занятиях, а сейчас я расскажу вам о том, как правильно наложить жгут!

Утром погода неожиданно испортилась. Порывистый ветер срывал с деревьев остатки листвы, и они в ответ обиженно поскрипывали ветвями. Лавр выглянул на улицу. Редкие прохожие, пригнувшись, спешили по своим делам. Сорванная афиша, выписывая в воздухе невообразимые пируэты, унеслась за угол. Он прикрыл форточку и обернулся к жене. Людмила пыталась разжечь керосинку, которая чадила и не хотела гореть.

– погоди, сейчас фитиль поменяю, – сказал Лавр, беря с полки небольшую моссельпромскую синенькую коробочку из-под монпансье. – Вот хороший, асбестовый, чадить не будет.

– Может, керосин плохой? – усомнилась она.

– Сейчас глянем, – поменяв фитиль и смахнув с клеёнки белые крошки, Лавр поднёс спичку. – Ну вот, не чадит совсем.

– Мы сейчас ходим на рынок, а потом ты с покупками пойдёшь домой, а я зайду к Светлане Артёмовне за юбкой и сразу вернусь.

– Давай завтра на рынок, – сказал он, заваривая чай. – Я в спортзал опаздываю.

– Куда??? Лавр, побойся бога! – Людмила удивлённо подняла брови и всплеснула руками: – Ты же завтра с кровати не встанешь!

– Я тренироваться не буду, просто посмотреть хочу, – он обнял Людмилу и чмокнул её в щёку. – Мне правда очень надо!

Она вздохнула:

– Ладно, иди... юный динамовец, только не вздумай там кувыркаться!

Когда Лавр вошёл в небольшой зал под трибунами стадиона «Динамо», вся группа была уже в сборе. Переодетые в спортивную форму сотрудники сидели на длинных гимнастических скамейках и тихо переговаривались.

– Все готовы, Лавр Павлович, – к нему подошёл участник хасанских событий, которого звали Владимиром.

– Здравствуйте, товарищи, – поздоровался Лавр и протянул ему руку: – Инструктор ещё не подошёл?

Владимир не успел ответить, как входная дверь скрипнула, и в зал вошёл сухощавый старший лейтенант со скуластым лицом и раскосыми калмыцкими глазами. Упрямой походкой он подошёл к Ермакову и представился:

– Старший лейтенант Алтынбаев, прибыл для проведения занятий по рукопашному бою.

– Очень приятно, Ермаков Лавр Павлович, – он пожал ему руку. – Прошу вас, можете начинать.

– Становись! Равняйся! Смирно! – Владимир построил группу и стал во главе строя.

– Вольно! – скомандовал Алтынбаев. – Можете ко мне обращаться по званию или просто Рафик Абдульмянович. Через три минуты, – он коротко взглянул на часы, – построение в обычной одежде.

Все недоумённо посмотрели на инструктора.

– Так ведь взопреем, специально спортивную форму взяли, – раздался неуверенный голос.

– С врагом вы тоже будете драться в спортивной форме? – прищутив и без того свои узкие глаза, спросил старлей и повернулся к Владимиру: – Через две минуты тридцать секунд группа должна быть построена. Командуйте!

Когда все переоделись, Рафик Абдульмянович, оглядев строй, удовлетворённо кивнул:

– Принципиальное отличие милицейского боевого самбо от армейского очень простое. Задача милиционера – задержать преступника, а солдата – убить врага. В бою нет никаких ограничений и правил, в ход идёт всё – от кулаков и зубов до камней и веток. Спрыгнув в окоп, вы не можете позволить себе роскошь быть благородным. Либо убьёте вы, либо вас. Чтобы победить в рукопашной, надо быть жестоким и безжалостным, потому что перед вами враг. Во время тренировок добивание обозначать только лёгким касанием. Сигнал о приближении к болевому порогу подается голосом, похлопыванием по противнику или полу. Соблюдать дисциплину и тишину. В зале должен быть слышен мой мат и хруст ваших костей, – он скупно улыбнулся: – Так говорил наш инструктор.

– Мат, вообще-то, как хулиганство квалифицируется, за него год могут дать, – пробурчал Сергей.

– Это на гражданке, – неожиданно весело рассмеялся Алтынбаев, – а в армии это язык боевого управления. Разминки не будет. Работаем как в бою. Сейчас я вам покажу, как использовать для защиты подручные средства. Задача состоит в следующем – задержать врага и под конвоем доставить его в расположение.

Он достал пистолет и, разрядив его, протянул одному из оперативников:

– Действуйте!

– Стой! Руки вверх! – уверенно скомандовал сотрудник, которого, как слышал Лавр, называли Игорем. Встав к противнику вполоборота, он держал пистолет плотно прижатым к

корпусу, и Ермаков мысленно похвалил его. Инструктор выполнил команду, но руки положил за голову.

– Кругом! – Игорь командовал уверенно. – К двери марш! Не оглядываться!

Алтынбаев начал выполнять команду, как вдруг фуражка слетела с его головы и, вращаясь, полетела Игорю в лицо, чиркнула лакированным козырьком по переносице. Никто не успел понять, когда инструктор рыбкой нырнул вниз и хлестко подсёк противника ногами. Через мгновение он уже сидел верхом на Игоре, который ошарашенно мотал головой, не понимая, почему пистолет, который только что был крепко зажат у него в руке, сейчас упирается ему в затылок.

Рафик Абдульнович поднялся и уложил оружие в кобуру:

– Ваш коллега действовал правильно, но допустил две ошибки, которые стоили ему жизни. Он не обратил внимания на то, что я положил руки за голову, и слишком задрал свою. На противника надо смотреть исподлобья, чтобы принять удар на лобную кость, потому что она у нас самая крепкая. Сегодня мы с вами будем учиться падать и быстро подниматься.

Он обернулся к Лавру:

– Снятие часового надо отрабатывать на местности. Мы сможем организовать полевой выход?

В конце февраля как-то вечером Лавру позвонил Шулишов.

– Вечер добрый, Федор Иванович! – поздоровался он.

– И вам, Лавр Павлович, не хворать. Как обстановка?

– Нормальная, занятия идут по расписанию. Инструкторы очень грамотные! Сам много нового узнал.

– Учиться никогда не поздно, – хмыкнул в трубку Шулишов. – Завтра с утра заглянуть ко мне сможете?

– К 10.00 удобно будет?

– Да, вполне, – ответил Федор Иванович и, попрощавшись, положил трубку.

Когда Лавр вошёл в кабинет, Шулишов приветственно взмахнул рукой и указал на стул:

– Доброго дня, Палыч! Расскажи поподробнее, как обучение идёт? Может, помощь какая требуется?

– Занятия проходят без срывов. Все занимаются с интересом. По немецкому, правда, не у всех всё гладко, но ребята стараются. Планирую увеличить число практических занятий. Необходимо организовать полевые выходы для отработки элементов боевого слаживания на местности. Матчасть пулеметов изучили, надо бы стрельбы провести и гранаты настоящие покидать.

– Надо, обязательно надо, – он пододвинул лист бумаги. – Пиши, что требуется. После завтра прибывает новый начальник, я ему передам и расскажу о том, что подготовка у нас организована отлично.

Лавр удивленно взглянул на Шулишова:

– Переводят меня, Лавр Павлович, куда, сам ещё не знаю. Утром встречаюсь с новым начальником, а вечерним поездом в Москву за назначением.

– А кого прислали? – осторожно спросил Лавр.

– Волошенко⁵⁰. Ты не переживай, он не с улицы к вам идёт. Ещё в 1931 году в ОГПУ начинал, а к нам с должности начальника отделения центрального аппарата идёт. Я справочки навёл, говорят, толковый мужик.

Сентябрь 1920 года

Кубанская область. Черкесские сады

– Ваше благородие, взгляните! Там под деревом, кажется, казак убитый лежит!

Поручик, в пропитанной потом гимнастёрке, с красными, отороченными чёрным галуном погонами Константиновского училища, потянув повод, подъехал к лежавшему на земле человеку. Спешившись, он снял фуражку и перекрестился:

– Двадцать минут – на перекур и рытьё могилы. Тело есаула предать земле по православному обычаю.

– Владимир Петрович, – обратился к нему юнкер, – местные всех будут хоронить, тем более своего брата казака не оставят. Убитых по обочинам много лежит, всех не перехороним, да и красные уже поджигают.

– Юнкер! – поручик зло сощурил глаза. – Перед вами тело убитого в бою русского офицера! Вашего брата по оружию, а вы изволите быть дворянином и обучаетесь в училище, девиз которого «Помните, чьё имя носите!». ⁵¹ Стыдитесь! Исполнять!

Пока юнкера рыли могилу, он внимательно осмотрелся и по взрыхлённой конскими копытами земле и кровавой полосе представил примерную картину произошедшего. Могилу уже почти закончили. Выровняв лопатой края ямы, юнкер протянул руку и, с помощью товарищей выбравшись наверх, доложил:

– Готово, Владимир Петрович!

Поручик снял фуражку и, прочитав «Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего», перекрестился и скомандовал:

– Опускайте!

Два юнкера, подняв тело, уже начали опускать его в яму, как вдруг один из них вскрикнул:

– Владимир Петрович! Он, кажется, живой!

В подтверждение раздался лёгкий стон.

– Фельдшер, осмотрите раненого! – приказал поручик. – А вы, – он взглянул на юнкеров, продолжавших держать тело над могилой, – подгоните повозку!

Через пару вёрст Владимир Петрович придержал коня и подождал, пока с ним поравняется санитарная повозка, ехавшая в конце колонны:

– Ну как он, Иван Митрофанович? Не пришёл в сознание?

Фельдшер покачал головой:

– У него пробито лёгкое и очень большая кровопотеря. Я его перевязал, но... – он покачал головой: – Шансы выкарабкаться, прямо скажем, невелики.

Поручик вздохнул:

– Будем везти за собой, не бросать же его.

– Может, местным передадим? Боюсь, транспортировки не выдержит...

– Отличный совет! Весьма признателен! В первом же населённом пункте займусь лично! – и, прищипнув коня, двинулся в голову колонны.

Вечером их догнал отряд казаков. Подъесаул, коротко козырнув, поздоровался с поручиком:

– В Ачуево направляетесь?

Владимир Петрович усмехнулся:

– У нас одна дорога – в Крым. Кстати, в обозе есаул раненый. Взгляните, не из ваших будет?

В середине апреля, когда погода окончательно установилась, Лавр организовал полевой выезд. Рано утром, загрузившись в автобус и заехав за Алтынбаевым, с которым все успели подружиться, они поехали за город.

– Куда едем, Лавр Палыч? – спросил Коля Голубкин ⁵², сидевший за баранкой.

– За Смоленскую, – ответил Лавр, глядя на дорогу. – Станицу проедем, а там сориентируемся.

Километров через пять они остановились. В низинах ещё лежал туман. Природа окончательно не проснулась, но на деревьях уже пробивалась молодая листва, а земля была покрыта ярко-зелёной травой.

– Смотрите, красота какая! – сказал Алтынбаев, указывая на куст чертополоха, густо оплетённый паутиной. Осевшие капельки росы играли в солнечных лучах всеми цветами радуги, создавая удивительный, волшебный по красоте букет.

– Эх, жаль, домой не довезёшь! – огорчённо воскликнул Голубкин. – Жена бы обрадовалась!

Установив мишени, они постреляли из пулемёта, а потом, найдя небольшой овраг, стали метать гранаты. Когда все сделали по три броска Рафик Абдульмянович сказал:

– Сейчас я покажу вам, как их ещё можно использовать.

Он прикрепил лимонку за ребристый корпус к дереву на уровне колена и, слегка разогнув усики, привязал к кольцу бечёвку и протянул её через тропинку:

– Смотрите! Для обнаружения такого устройства есть только один способ – это повышенное внимание. Можно использовать гибкий прутик, который надо держать перед собой. Наткнувшись на шнур или проволоку, он слегка согнётся и подаст вам знак. Если самим придется устанавливать гранаты, натрите бечёвку травой или извняйте в пыли. Первой всегда ставьте самую дальнюю и отходите спиной назад, а то своими же ногами их и снимаете. Прежде чем снять, сначала зажимаете спусковой рычаг, то есть скобу, а только потом загибаете усики. И ещё, запомните раз и навсегда: рвануть кольцо зубами можно только в кино. Если ранены, то, зажав гранату, можно разогнуть усы об камень или обо что-то твёрдое, а потом, зацепив кольцо, его уже можно вырвать.

– Давайте к столу, – позвал Голубкин, который уже расстелил на траве плащ-палатку и разложил нехитрую снедь. – Обедать пора.

Когда, поев, все перекурили, Алтынбаев надел на Сергея каску, винтовку и противогаз.

– Вот часовой, его надо снять! В пределах слышимости находятся другие часовые. Прежде всего определяете интервал смены караула. Только что заступившего сразу снимать нельзя: он напряжён и бдителен, а вот через час, когда он успокоится, начинайте действовать. Я неслучайно надел на Сергея всю амуницию. Посмотрите внимательно! Оглушить по голове мы не можем. Ударить ножом в бок? Может помешать противогазная сумка. Поэтому вы, дождавшись, когда он повернётся к вам спиной, левой рукой зажимаете рот, а правой наносите удар под левую лопатку, как бы насаживая на нож. Ни в коем случае не отпускаете, а сопровождаете тело до земли, чтобы ничего не звякнуло. На бойце, который снимает часового, не должно быть ничего лишнего! Только нож и пистолет. Оружие оставляете у напарника, лицо и кисти рук измазываете грязью.

Сентябрь 1920 года

Керченский пролив

Выкрашенный серой краской потолок плавно покачивался. Свят зажмурился, но качка не исчезала. Неожиданно неяркий свет, пробивавшийся сквозь веки, потускнел. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним Сидора, который, встретившись с ним взглядом, радостно улыбнулся.

– Где я? – спросил Свят и попытался встать, но движение резкой болью отдалось в груди.

– Не шевелись, Святослав Петрович, не ровён час рану потревожишь! На «Святом Евстафии» мы, на пароходе. В Крым идём. Тебя юнкера нашли, думали мёртвый, даже могилу успели

открыть, а ты вдруг застонал, слава богу! Они тебя на дрожки и в Ачуево, где посадка на корабли была. По дороге нас встретили и говорят: «Есаул, у нас есть раненый, гляньте, не ваш ли?» Я как увидел тебя, сразу к нашему фельдшеру: – Спасай Святослава Петровича! Как хочешь, спасай! Вот ты и здесь! Теперь точно выживешь! Казачьему роду нет переводу!

Свят благодарно улыбнулся и прикрыл глаза. Проснулся он от толчка, сотрясавшего весь пароход. «Святой Ефстафий» благополучно причалил к пирсу.

В лазарете Сидор сумел добиться, чтобы Свята положили в отдельную палату, и каждый день приходил, принося неизвестно где добытые продукты. Дней через десять Свят почувствовал себя значительно лучше и попросил принести ему форму.

– К чему она вам? – спросил Сидор, оглянувшись на дверь.

– Как к чему? Идти в штаб и просить назначения! – недоумённо взглянув, ответил Свят. Тяжело вздохнув, Сидор покачал головой:

– Одним красным больше, одним меньше... Не сдюжим мы против них. Надо думать, как дальше жить. Коммуняки в силу вошли. Дай бог с неделю продержаться. Я начальнику лазарета вашим денщиком отрекомендовался. Само собой, без хабара не обошлось. Уже корабли готовы на Константинополь, раненых первыми грузить будут. Доберемся до басурманского берега, а там посмотрим.

Ночью Свят неожиданно проснулся от звука канонады. «Артподготовка перед атакой», – сразу понял он. Дверь тихо скрипнула, Сидор вошёл в палату, держа в руках выстиранную и отглаженную форму:

– Одевайтесь, господин есаул, ехать пора.

Они приехали в порт одними из первых. Несмотря на то что было ещё темно, погрузка проходила организованно. Свят молча сидел на койке в маленькой двухместной каюте, безучастно наблюдая, как Сидор раскладывает нехитрые пожитки.

Некоторое время на палубе раздавался топот, затем загудела сирена и, дав прощальный гудок, судно отвалило от причала.

– Давай на палубу выйдем, – вдруг сказал Свят.

Подойдя к борту и облокотившись на планшир, он неподвижно стоял, глядя на исчезающую в предрассветной дымке землю. У него закололо в груди. Прислушавшись к непривычному ощущению, он неожиданно для себя понял, что это болит не рана, а сердце. Далёкие вспышки оружейных залпов начали двоиться в глазах, Сидор взглянул на его побелевшее лицо, по которому катились крупные слёзы, и, печально вздохнув, протянул платок.

– Это ветер, – процедил Свят сквозь стиснутые зубы, не отрывая взгляда от русской земли. Постояв несколько секунд, есаул отдал честь и, резко повернувшись, спустился в каюту, откуда больше не выходил до турецкого берега.

После двухнедельного стояния на константинопольском рейде им, наконец, разрешили сойти на берег. Сидор куда-то убежал и, вернувшись через пару часов, достал из кармана обрывок бумажки:

– На три лагеря делить будут! Два в Галлиполи и Чаталадже, а казаков, всех без разбору – донцов, терцев и кубанцов – на остров Лемнос. Нам надо в Галлиполи попасть.

– Почему? – равнодушно спросил Свят.

Сидор хитро прищурился:

– Чаталаджа и Галлиполи – это туретчина, а они нашего брата казака на дух не переносят!

Остров хоть и греческий, но выбраться оттуда труднее! В Галлиполи командовать Кутепов⁵³ будет, это я точно знаю. Там народу больше. Мы туда вроде как по ошибке попадём, а оттуда уволимся или попросимся к своим на остров, а сами в Европу уедем!

В конце января по настоянию Сидора Свят подал генералу Кутепову рапорт об увольнении из армии по состоянию здоровья, и они, выправив необходимые документы, выехали в Сербию.

Белград им не понравился:

– И не Россия, и не Европа! – сказал Сидор через неделю. Тщательно поразмыслив, они купили билеты в Берлин и под утро, ограбив небольшой ювелирный магазин на окраине, шестичасовым курьерским уехали из древнего города.

На Германии настоял Сидор, так как Свят прилично говорил по-немецки. В Берлине они устроились в конный цирк Буша и зажили кочевой цирковой жизнью. Свят женился на девушке, которую каждый вечер распиливали на арене, и через некоторое время они открыли небольшое кафе. Сидор научил Ингрид печь блины и варить борщ. Кафе пользовалось популярностью, и друзья стали всерьез подумывать о расширении дела.

Однажды весной, когда уже зацвели каштаны, в зал вошёл высокий, хорошо одетый мужчина. Заказав борщ и блины, он с удовольствием пообедал и, вытерев губы, неожиданно произнёс по-русски:

– Люблю вчерашний борщ! Фрау Ингрид может дать фору любой кубанской казачке. Герр Омельченко, к такому борщу полагается горилка, сделайте одолжение, распорядитесь.

Когда кельнерша принесла запотевший графин, посетитель попросил вторую стопку:

– Святослав Петрович, не откажите в любезности, – и жестом указал на стул.

– Прекрасная горилка, – сказал он, смачно хрустнув солёным огурчиком. – Её гонит господин Сидор?

– Да, – сдержанно ответил Свят, – вы прекрасно осведомлены о нашем производстве, герр... – и выжидающе замолчал, ожидая продолжения.

– Моя фамилия Фельзенмайер, – улыбнулся мужчина. – Курт Фельзенмайер, но как офицер вы можете обращаться ко мне просто герр обер-лейтенант.

Загадочный клиент продолжал улыбаться, пристально глядя на Свята холодными блёкло-голубыми глазами.

Октябрь 1920 года

Берлин

Единственным человеком, искренне радовавшимся позорному возвращению Курта в фатерланд, была его мать, фрау Ангелика. Герр Фельзенмайер, выслушав историю сына, побагровел и, запершись в кабинете, не выходил оттуда до утра. Курт с матерью не спали всю ночь в ожидании выстрела.

Когда за окном начало светать и вдалеке стали проступать призрачные очертания шпиля Мариенкирхе⁵⁴, фрау Ангелика робко постучала в кабинет: – Ульрих, доброе утро! Открой, пожалуйста, я принесла тебе кофе.

– Я не запираюсь от семьи, – раздался голос. – Подай кофе и позови Курта.

Некоторое время отец пил молча, наконец, поставив чашку, он взглянул на сына:

– Я рад, Куртхен, что ты вернулся живой. К сожалению, немногие понимают, что сегодняшняя Россия – это не Франция и не Англия, где разведчик только и делает, что ходит по ресторанам. Мы переживаем трудные времена. Полковника Николаи, который принимал тебя на службу⁵⁵, сменил его заместитель майор Фридрих Гемпп⁵⁶, я с ним немного знаком. Думаю, что сумею уладить этот вопрос. Расскажи мне всё ещё раз.

Стараясь не упустить ни малейшей детали, Курт подробно рассказал отцу о своем провале.

– Тебе не надо было связываться с уголовниками, – с досадой покачал головой отец. – Ты полагаешь, что прокололся на фотографии?

Курт молча кивнул.

– Ох уж это наша немецкая сентиментальность, – вздохнул герр Ульрих, – она когда-нибудь нас погубит. А ты не думал, что это был обычный вор, который, оставшись один в

комнате, стал просто везде шарить в поисках денег? Ну да ладно, сейчас это не имеет значения. Когда пойдём к Гемппу, про фотографию лучше не упоминать.

Утром, когда они направились к набережной Тирпиц⁵⁷, Курт заметил, что отец волнуется. Он всю дорогу вытирал со лба испарину и, проходя мимо канала Ландвер, выбросил в мутные воды Шпрее потухшую сигару, чего раньше никогда себе не позволял.

Герр Ульрих, озабоченно качнув головой, сделал сыну знак подождать и, толкнув высокую оббитую чёрной кожей дверь, вошёл в кабинет. Время тянулось бесконечно долго, наконец, слегка скрипнув, створка приоткрылась, и когда отец с лёгкой улыбкой энергичным взмахом руки пригласил его войти, Курт сразу понял, что всё уладилось. Войдя, он представился и застыл, внимательно разглядывая сидевшего за широким столом человека в хорошо сшитом сером костюме.

– Прошу вас, герр Фельзенмайер, – хозяин кабинета указал на стул: – Расскажите подробно о своей деятельности в Советской России.

Гемпп внимательно слушал, задавая вопросы и делая пометки в большом блокноте. Когда Курт закончил, он долго молчал, перечитывая свои записи, и, пригладив аккуратные усы, наконец задумчиво произнёс:

– Сейчас мы находимся в стадии становления, и у меня, дорогой Ульрих, нет достойной должности для вашего сына. Безусловно, мы не можем разбрасываться сотрудниками, в совершенстве владеющими русским языком и имеющими опыт ассимиляции в России. Сегодня я могу предложить место в общем отделе. Он будет заниматься входящей корреспонденцией и готовить аналитические справки по материалам советской прессы и агентурных донесений, но, даю вам слово, при первой же возможности переведу его на оперативную работу.

Молодой Фельзенмайер прекрасно проявил себя, и когда в абвере был создан отдел «Заграница», его назначили заместителем руководителя группы VIII по линии обработки развединформации на основании трофейных документов.

В канун 1934 года, на рождественской вечеринке новый начальник абвера капитан цур зее Конрад Патциг⁵⁸ закурил ароматную манильскую сигару и, выпустив облако сизого дыма, взял его под руку:

– Вам предстоит большая работа, дорогой Курт. Сегодня разведчики, знающие Россию, в большой цене, – он повернулся к присутствующим: – Хершафты!⁵⁹ Позвольте сообщить вам приятную новость! Работа нашего коллеги герра Фельзенмайера высоко оценена руководством, и ему присвоено звание полковника!

Курту поручили восточное направление, и он активно принялся за работу. Однажды агент из белоэмигрантов, таксист, сообщил, что подвозил клиента, очень похожего на его однокашника по Николаевскому училищу, некоего Омельченко. Он рассказал о некоторых фактах его биографии и лютой ненависти к большевикам. Фельзенмайер поблагодарил, подробно спросил обо всём и выдал положенные двадцать пять марок, не забыв взять расписку.

Собрав за три дня всю необходимую информацию, он отправился к Святославу Петровичу на обед.

Лавр сидел у Александра Петровича в маленькой кухне и рассказывал о проведенных занятиях.

– Вы знаете, пару лет назад я сказал бы вам: чем учить сыщиков метать гранаты и снимать часовых, лучше проведите дополнительные занятия по ведению служебной документации или, в крайнем случае, отведите их на стрельбище, но сейчас, – он покачал головой, – нам надо быть готовыми к самому худшему. Я всерьёз задумался об этом после встречи Нового года, где имел удовольствие лицезреть дорогого Викентия Леонтьевича, а к его мнению стоит прислушаться.

Пришельцев, вздохнув, поднялся, снял с примуса закипевший чайник и, наполнив чашки, пододвинул к Лавру вазочку с вареньем:

– Попробуйте, это крыжовенное, супруга большая мастерица по этой части.

Некоторое время они молча пили чай, думая каждый о своем.

– Я очень боюсь, что война неизбежна, – тихо произнёс Александр Петрович. – Вы знаете, у меня возникают мысли отправить семью подальше.

Лавр удивлённо поднял глаза:

– Неужели вы полагаете, что если начнется война, то немцы дойдут до Краснодара? Я уверен, что всё ограничится пограничным конфликтом, это в худшем случае!

Александр Петрович покачал головой:

– С начала апреля они оккупировали Данию, юг Норвегии и подмяли под себя всю Европу. Вы же знаете этих колбасников⁶⁰: они не остановятся!

– Возможно, вы и правы, – с наигранной бодростью произнес Лавр. – Но у нас сильная, хорошо обученная армия, да и территорию не сравнить с европейскими странами.

– Да, да, конечно... – рассеянно пробормотал Пришельцев и вдруг, улыбнувшись, поднял голову: – Конечно, вы правы! У немцев не хватит сил поработить Россию. Я вот о чём хотел спросить. Если война все же случится, то на нас будут возложены новые задачи. Криминальный элемент, безусловно, активизируется. Появятся дезертиры, мародёры и паникеры, ещё мы будем исполнять приказы военных властей. Вы отразили это в своих лекциях?

– О взаимодействии с военными комиссариатами я рассказывал, а вот про мародёров и паникеров как-то запамятовал! Спасибо, что напомнили! Я делал упор на оперативные дисциплины: явки, резидентура, обнаружение слежки, – в общем, по нашему направлению...

Александр Петрович удовлетворенно кивнул:

– Обязательно расскажите о способах маскировки! Хорошо одетый мужчина с букетом цветов и тортиком не вызывает подозрений, а женщина, тем более с ребёнком, – идеальный вариант для прикрытия!

Лавр согласно кивал, подбирая ложечкой остатки варенья, и даже не мог представить, с какими нелюдями ему предстоит скоро столкнуться.

Часть 2

– Лавр, просыпайся! Ты обещал на рынок со мной сходить, – Людмила потрясла его за плечо.

– Так воскресенье! Дай ещё поспать, твой рынок не убежит.

– Рынок не убежит, а самый свежий товар разойдется! Давай вставай!

Умывшись, он быстро оделся и уже собрался открыть входную дверь, как та распахнулась ему навстречу. На пороге стоял Александр Сидорович, руки его тряслись, а на лице не было ни кровинки. Подбежавшая Людмила схватила соседа за руку:

– Что с Маргаритой? – и обернулась к мужу: – Звони в скорую!⁶¹

Сосед отрицательно махнул рукой и потёр грудь. Лавр подал ему кружку с водой, щедро сдобренную валерьянкой. Александр Сидорович залпом выпил и, вытерев губы, взглянул Лавру в глаза:

– Война началась! Немцы ночью Киев и Севастополь бомбили...

Людмила побелела и, схватившись за сердце, медленно осела на пол. Лавр метнулся на кухню, плеснул в кружку полфлакона валерианы, чуть разбавив водой, насильно влил в супругу и обернулся к Александру Сидоровичу:

– Откуда известно?

– Внучка сказала, у них выпускной сегодня, всю ночь гуляли, – он тяжело опустился на табурет. – В полдень по радио официальное сообщение будет, – и, закрыв лицо руками, зачем-то растерянно добавил: – А ведь сегодня День всех святых, в земле Российской просиявших.⁶²

Ермаков взглянул на ходики:

– Ещё почти полтора часа ждать.

Он подошёл к окну и выглянул на улицу. На первый взгляд, город жил обычной жизнью: доносились привычные, хорошо знакомые звуки, слышался лязг трамвая и чириканье воробьев, купавшихся в пыли, но что-то было не так. Приглядевшись, он понял: люди стекаются к репродуктору, висевшему на углу. Лавр подошёл к телефону и позвонил Виктору, который сразу снял трубку.

– Здравствуй, Витя, – осторожно начал он, – тут говорят...

– Правду говорят, Лавр Павлович, ждём двенадцатичасового сообщения – перебил его Виктор. – Больше ничего не знаю. Полный отдел народу, нас подняли по тревоге.

– Да, конечно... – Лавр попрощался, положил трубку и обернулся. Людмила и Александр Сидорович молча смотрели на него.

– Все ждут официального сообщения, – сказал он и, бросив взгляд на часы, добавил: – У нас ещё есть время, давайте чаю попьём.

Людмила встала и зажгла керосинку. На кухню тихо вошла Маргарита и, взяв мужа за руку, села рядом. Они пили чай молча, невольно посматривая на молчащую радиоточку. Когда до двенадцати оставалось около двух минут, а напряжение достигло предела, в динамике негромко зашелестело, и вся страна напряженно ожидавшей вестей из Москвы услышала:

«Граждане и гражданки Советского Союза!»⁶³

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах и подвергнув бомбежке со своих самолётов наши города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской стороны и со стороны Финляндии».

– Молотов? – шёпотом спросил Александр Сидорович. Лавр кивнул и поднял вверх ладонь, призывая к тишине.

«Это неслыханное нападение на нашу страну, несмотря на наличие договора о ненападении между СССР и Германией, является беспримерным в истории цивилизованных народов. Вся ответственность за это нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германское фашистское правительство.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5.30 утра сделал заявление мне как народному комиссару иностранных дел от имени своего правительства, что Германское правительство якобы было вынуждено принять военные контрмеры в связи с концентрацией Вооружённых Сил Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству и что Германией совершено нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. По поручению Правительства Советского Союза я должен заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан приказ нашим войскам отбить нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наша доблестная армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар по врагу.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Некоторое время все сидели молча, потом Александр Сидорович неуверенно, с надеждой, произнёс:

– Может быть, это пограничный конфликт? Как на Дальнем Востоке?

Лавр, с кривой усмешкой, вздохнул:

– С бомбардировкой? Нет, это война. И про себя подумал: «Страшнее которой, наверное, ещё не было».

На следующее утро Лавр, придя в отдел, сразу зашёл в кабинет к Виктору Семёновичу.

– Ты можешь уделить мне две минуты? – коротко поздоровавшись, спросил он.

– Нет! – и резко мотнул головой: – Вчера Селезнёв⁶⁴ проводил совещание, а когда закончили, Волошенко собрал нас. Мы со вчерашнего дня на казарме. Начальник выехал, а я сейчас всех вызвал, буду задачи ставить, поприсутствуете, и всё сами увидите.

Когда весь народ расселся, неожиданно зазвонил телефон. Виктор стал слушать, изредка кивая и делая карандашные пометки. Вдруг его лицо напряглось, он попрощался с невидимым собеседником и швырнул трубку на рычаг:

– Ночью немцы с воздуха заминировали Цемесскую бухту... – и не сдержавшись, крепко выругался, потеряв лоб ладонью.

– С сегодняшнего дня наружная служба с трёхсменного переводится на двухсменный режим работы. Пока не свернём фашистам голову, отпуска отменяются! Сейчас повылезает всякая шваль! Я имею в виду нашу клиентуру. Паникёров и распространителей слухов, пораженцев, одним словом. Но среди них под видом местных жителей могут быть и вражеские агенты. Весь этот контингент доставлять в отдел! Сергей Дмитриевич, – он посмотрел на старшего участкового: – К двум часам мне на стол список всех подвалов! Усилить охрану зданий совпарторганов и особо важных объектов. Сейчас в военкоматах столпотворение, там порядок тоже надо поддерживать.

Покрутив шеей, чтобы прогнать сон, Виктор спросил:

– Вчера была команда вырыть щель от воздушных налётов. Готова?

– Так точно! – поднялся завхоз. Виктор махнул рукой, и тот опустился на стул: – Вырыто две щели. Одна за гаражом, вторая за складом. Сейчас с минуты на минуту тёс привезут, к вечеру закончим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.